

Вера Катша

КЕСАРИ И БОГИ

Вера Камша

Кесари и боги (сборник)

«Автор»

2007

Камша В. В.

Кесари и боги (сборник) / В. В. Камша — «Автор», 2007

ISBN 978-5-699-25278-7

В один горький день люди пролили кровь, свою и чужую, там, где этого делать не следовало. Многие помнят эту историю, но ни один из помнящих не может ее рассказать...Когда-то, очень давно, великий воин и правитель отдал себя и весь свой род в залог за власть над будущей Империей. А его дальний потомок рискнул этим залогом ради своей любви...С давних пор в один ужасный день – День Страха – древнее Зло поднимается над миром в поисках новых жертв...Эти – или похожие – истории знают многие. Но, может быть, в этот раз все будет иначе?Кроме романа «К вящей славе человеческой» и тематически связанной с ним повести «Данник Небельринга», в сборник вошел рассказ «День Страха».

ISBN 978-5-699-25278-7

© Камша В. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

К ВЯЩЕЙ СЛАВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. роман	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	33
Часть вторая	51
Глава 1	51
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вера КАМША КЕСАРИ И БОГИ

К ВЯЩЕЙ СЛАВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. *роман*

На исходе лета
Умирают звезды
На груди рассвета.
*(Кровь на черных крыльях...
Кто напомним песню, что ветра забыли?)*

Утирает небо
Слезы звездопада,
Смотрят камни слепо...
*(Кровь на мертвых ивах...
О, как низко кружит кориун торопливый.)*

На исходе лет
Все слышней в таверне
Смерти кастаньеты.
*(Кровь на черных крыльях...
Кто напомним песню, что ветра забыли?)*

В кронах рыжих сосен
Задохнулся вечер.
Так приходит осень.
*(Кровь на мертвых ивах...
О, как низко кружит кориун торопливый.)*

На исходе лета
Заблудилось сердце
Между тьмой и светом.
*(Кровь на черных крыльях...
Кто напомним песню, что ветра забыли?)*

Льву Вершинину

*Автор выражает благодарность
Александру Бурдакову, Даниилу Мелинцу,
Ирине Погребецкой и Михаилу Черниковскому*

Часть первая Муэнская охота

Муэна

1570 год

Глава 1

1

Дрожащее марево окутывало полусонную от зноя Муэну, а солнце было белым и злым. Средь выгоревших холмов торчали недвижные руки мельниц. Ветра не чувствовалось, даже самого жалкого. Поднятая множеством копыт дорожная пыль превращала грандов, солдат и слуг в серых мельников. Что поделать, на дорогах в августе все кони сивы, а все всадники – седые. Недаром в эту пору путешествуют ночами, но солдату не ослушаться приказа короля, а любящему мужу – супруги, особенно если та готовится дать жизнь наследнику.

Тридцатипятилетний Карлос-Фелипе-Еухенио, герцог де Ригаско, маркиз Вальпамарена, полковник гвардии и кавалер ордена Клавель де ла Сангре, выразительно вздохнул и поправил прикрывавший нижнюю часть лица шелковый шарф. Никто не виноват, если Инес вбила в свою головку, что лишь молитва Пречистой Деве Муэнской спасет ее от смерти родами. И уж тем более никто не виноват, что прошлую ночь они провели не в молитвах. Увы, уступив вечерней звезде и брошенным к ее ногам розам, Иньита поутру почувствовала себя дурно.

Объявив себя великой грешницей, дурочка отказалась от завтрака, ограничившись водой из колодца, и потребовала запрягать. Сопровождающий герцогиню врач-ромульянец укориз-

ненно качал лысой головой и предрекал всевозможные осложнения. Инес плакала, Карлос покаянно молчал и вспоминал малышку Ампаро, которой интересное положение не мешало плясать с кастаньетами ночи напролет. Правда, Ампаро была не герцогиней, а хитаной. Когда плясать стало невозможно, она исчезла, не простившись и не взяв ни золота, ни подарков. Карлос так и не узнал, кому дал жизнь, сыну или дочери. Что ж, не он один. В жилах хитано голубой крови не меньше, если не больше, чем у самых важных из грандов, а кичливым донам не дано знать, насколько они знатны на самом деле. Сам Карлос, по крайней мере, за добродетель всех своих прародительниц не поручился бы. Может, он и был прямым потомком Адалида ¹, а может, его предок плясал на площадях фламенко и сеньора в шелках не устояла...

Белая дорога вильнула, огибая очередной холм с очередной мельницей, как две капли воды похожей на предыдущую. Не паломничество, а дурной сон, в котором гонишь коня вперед и стоишь на месте. Стоять на месте... Этого де Ригаско не терпел с детства, хотя возвращений не любил еще больше. Карлос со злостью вгляделся в раскаленные небеса, усилием воли спустился на землю и обнаружил, что и там есть место хорошему.

Стройная девушка замерла на обочине, разглядывая всадников. Ей было не больше шестнадцати, и как же она была прелестна даже в этой пыли! Герцог оглянулся на карету – белые занавески были плотно задернуты. Что ж, богомольцу просто необходимо творить добрые дела. Де Ригаско придержал гнедого и сощурился. Девушка засмеялась. Глаза у нее были черными и жаркими, в коротких, словно припудренных кудрях полыхал алый цветок, вместо креста на смуглой шейке серебрилось крохотное перышко. Хитана, и как он сразу не сообразил?

– Куда идешь, мучача ²?

– На праздник, мой сеньор, – белые зубы, коралловые губки, – в Сургос.

– И много там ваших?

– Много, мой сеньор. – Быстрый взгляд и улыбка, лукавая и мимолетная, вроде и видел, а вроде и нет.

– Не знаешь ли ты женщины по имени Ампаро? Она из ваших, ей должно быть... – Сколько же плясунье теперь? Не меньше тридцати, а скорее больше. Сын у нее или дочь? Неважно... Хитаны, любившие чужаков, отдают сыновей братьям, а дочерей – матерям. – Ей около тридцати, – твердо произнес герцог, – она повыше тебя. На левой щеке у нее родинка, и еще одна над верхней губой.

– В нашем адуаре ³ две Ампаро, мой сеньор, но одна старше, а другая младше. И родинок у них нет.

– А в других адуарах? – потянул нить разговора Карлос. Девушка покачала головой. Она больше не улыбалась.

– Мы здесь чужие, мой сеньор. Мы пришли из-за гор, те, кто уцелел... В Виорне больше не пляшут, а поет лишь та, что вечно косит. Нас принял адуар Муэны, мы не знаем других.

– Здесь вам ничего не грозит. – Рука Карлоса сама рванулась к эфесу. Война не вино, она остается в крови надолго. Навсегда.

– Мигелито так и сказал. – Девушка шагнула назад, она хотела уйти. Герцог оглянулся – карета с белыми занавесками спокойно катилась вперед. Две женщины – навеки твоя и чужая...

– Как тебя зовут?

– Лола, мой сеньор.

– Мы еще увидимся, Лола! – Кольцо с рубином жарким угольком взмыло вверх и упало в раскрытую ладонку. Зачем он обещает встречу? Почему вспомнил ушедшее? Двенадцать

¹ Легендарный воитель, освободивший Онсию из-под власти синаитов.

² Обращение к девушке.

³ Табор.

лет – это почти треть жизни, за двенадцать лет можно забыть. И он забыл, а потом встретил белокурую Инес. Они счастливы, они ждут сына, так почему?!

– Да благословит вас Пречистая! – Алый цветок возникает из пыльного омута, рука сама его подхватывает. – Вас и вашу сеньору, если она у вас есть...

2

Белые недотроги клонятся под теплым ветром, целое море белых недотрог. Топтать цветы нестерпимо жаль, но надо идти... Она не должна, не может опоздать к мессе. Инес сделала шаг и замерла на краю долины, глядя на вырастающий из душистых волн храм. Колокол настойчиво звал вперед, но недотроги хотели жить, им и так отпущен лишь день, и день этот перевалил за полдень.

– Иньита. – Цветы ее знают, знают и зовут... Какой знакомый голос, веселый, насмешливый. – Иньита, проснись. Приехали!

– Хайме, ты?

– Я, – ответили недотроги ломким юношеским тенорком и исчезли. Стало жарко и тревожно. Почему небо обили алым шелком? Это не к добру.

– Инья, – не отставал братец, – просыпайся!

Инес провела рукой по лицу. Сон был красивым, странным и не желал уходить, если не из глаз, то из памяти.

– Сеньорита! – Верная Гьомар держала наготове губку с ароматическим уксусом. – Позвольте...

– Да, – рассеянно кивнула герцогиня. – Хайме, мне снились недотроги. Их было так много... Мне было нужно в храм, а я не хотела их топтать.

– Ну и не топтала бы, – фыркнул брат, тряхнув темными, не то что у нее, волосами. В последнее время Хайме рвался в полк и во всем подражал Карлосу. Еще бы, шестнадцать лет!

– Видеть храм к великой радости, – разгадала сон камеристка, – но ради нее придется терпеть и трудиться.

– Инья, – голос мужа прогнал и воспоминания, и предсказания, – ты хотела успеть к вечерней службе? Слышишь, звонят! Мы успели! Вылезай!

Инес благодарно улыбнулась и, подобрав платье, выбралась на подножку. Муэна была в колокола. Торжественный мерный гул сплетался с веселой болтовней украшавших сбрую бубенчиков. Так ручей встречается с морем.

– Ты хотела, – повторил Карлос. Он был весь в пыли, но на груди у него что-то алело. Цветок. Большой и очень яркий. Откуда он взялся? Красные цветы в обители неуместны, красные цветы не растут в пыли...

– Откуда это? – зачем-то спросила Инес.

– Купил, – усмехнулся Карлос, – на удачу! Нам же с тобой понадобится удача?

– Пречистая Дева защитит нас! – Герцогиня, сама не зная почему, крепко сжала руку мужа. – Убери его... Пожалуйста.

– Как пожелает моя сеньора. – Карлос сунул цветок в карман, бережно подхватил жену, прижал к себе и галантно поставил наземь. – По-моему, нас встречают.

Их и в самом деле встречали. Величественная аббатиса неспешно шествовала от распахнувшихся внутренних ворот. Ворот, в которые не мог войти ни один мужчина, если только не посвятил себя Господу. Почему она не подумала об этом? Неделя без Карлоса – это вечность.

3

Монахини в белых покрывалах и черных венках окружили Инью и увели. Смотреть вслед не имело смысла – балахоны святых сестер загораживали все еще стройную фигурку не хуже готовых сомкнуться ворот.

– Сын мой, – пропела задержавшаяся аббатиса, – обитель рада оказать тебе гостеприимство. Дорога мужчинам в святые стены заказана, но здесь, во дворе Святого Флориана, есть приют для мужей, отцов и братьев паломниц. Тебя ждут ужин и ночлег, я же, смиренная, после вечерней службы готова уделить тебе время для беседы.

– Благодарю, святая мать, – сколь возможно вежливо откликнулся де Ригаско, – но я должен... Должен переговорить с командором Хенильей и, видимо, объехать приграничные крепости. По дороге я встретил... беженцев из Виорна. Их рассказ настораживает. От Луи Бутора и его хаммериан⁴ можно ждать любого вероломства.

Имя нового лоасского короля, как и рассчитывал Карлос, возымело действие. Аббатиса, призвав на голову нечестивца громы и молнии, благословила гостя на воинские подвиги и отпустила с миром. Правда, сорвавшаяся с языка отговорка обязывала, но Хенилья подождет до конца охоты. Встречаться с долговязым занудой не тянуло, но лгать не дело, особенно в святых стенах, а лишний раз объехать крепости не помешает. Герцог подождал, пока аббатиса скрылась за массивными, без тарана не сломать, воротами и обернулся к шуринам.

– Нам следует поторопиться. Командор Хенилья ждет.

– О да, сеньор! – паршивец не дрогнул и бровью. – Молитесь за наши души, святые сестры, а наши клинки вас защитят.

– Нас защищает Святая Дева, – назидательно произнесла маленькая монахиня, в чью обязанность входило провожать знатных гостей, – но выгнать хаммерианскую скверну – долг мундиалитских⁵ рыцарей.

– Мы так и поступим, добрая сестра!

Монахиня опустила глаза, слишком красивые для отшельницы, и, замечая полами просочившуюся в обитель пыль, заторопилась к внешним воротам. Де Ригаско послал гнедого следом, отчего-то стало грустно. Вечер удлинил тени, но воздух продолжал дрожать от зноя, а залитые светом крыши и шпили казались золотыми.

– Молитвы наши да пребудут с вами и со всеми рыцарями Онсии. – Глаза привратницы были тревожными. – Будьте благословенны!

– Амен! – подвел итог Карлос, прикидывая, как половчей пробраться сквозь прижавшуюся к воротам толпу. Внутри обители ночевали избранные, паломниц, пришедших к Пречистой Деве Муэнской, было много больше.

– Расступись! – рявкнул рослый стражник. – Дорогу!

– Дорогу! – подхватил и Лопе. Ординарец со знанием дела направил коня в толпу, и люди нехотя отхлынули от вождельных створок, раздавшись в стороны, словно воды морские. Лошади недовольно фыркали и прижимали уши, скрипела на зубах пыль, женщина в черном покрывале лежала ничком прямо на дороге. Невысокий мужчина в потертой одежде попытался ее поднять, она вырвалась и снова уткнулась лицом в сухую землю. Карлос пожал плечами и велел Лопе объехать. Ординарец умело развернул лошадь, паломница и ее супруг остались сбоку, женщина так и не встала.

Запахло костром и нехитрой стряпней, твякнула собачонка. Любопытно, сыщется ли в мире хоть один лагерь, где нет ни единого пса? Первый за день порыв ветра взметнул пыль,

⁴ Последователи Томаса Хаммера, мещанина из Миттельрайха, создателя наиболее сильной из реформаторских церквей.

⁵ Принадлежащий к Мундиалитской (Всемирной) церкви.

колокольный звон становился глуше, мешался с шумом толпы. Де Ригаско оглянулся – осаждаемая людским морем обитель на фоне золотящегося неба казалась фреской. Герцог взялся за спасительный шарф и подмигнул шурина.

– Завяжи нос и рот, выберемся на дорогу, пойдем галопом.

– Час с хвостиком, и мы в Сургосе, – проявил осведомленность Хайме, – а потом? Неужели ты потащишься в пасть к Хенилье?!

– Кого-кого, а тебя бы и впрямь следовало отдать дону Гонсало. На недельку-другую, – протянул Карлос, разглядывая удравшего из отчего дома родственничка. – Такое наказание даже твоего батюшку удовлетворит.

– Я домой не вернусь, – обрадовал Хайме, – я намерен вступить в твой полк и вступлю, а отец поймет.

– Роскошно, – выразил восторг будущий начальник будущего же героя. – Надо полагать, объясняться с доном Антонио и доньей Мартой предстоит мне?

– Не угадал. – Хайме откровенно потешался. – Инья им написала, что боится отпускать тебя одного и что я готов за тобой присмотреть.

– Ты?! – задохнулся от подобной наглости герцог. – За мной?!

– Я, – подтвердил Хайме. – Если ты каждой встречной хитане будешь бросать по рубину, сестра с детьми по миру пойдут.

– Каналья, – с чувством произнес де Ригаско, – так ты видел?

– Видел, – хихикнул шурина. – Мучача – прелесть. Скажешь, где найти?

– В адуаре, – пожал плечами Карлос, – а может, в таверне или на ярмарке. Захочешь – найдешь!

– А ты? – соизволил удивиться Хайме. – Я-то думал...

– А вот думать всяким щенкам не по рангу, для этого полковники есть! – отрезал Карлос, вглядываясь в поредевшую толпу. Впереди была неделя свободы, и будь он проклят, если проведет ее всю в обществе Гонсало. Зануда никогда не поймет, что жить можно не только на войне, и хорошо жить.

– Ты меня берешь, – удовлетворенно улыбнулся Хайме, – впрочем, я и не сомневался.

– Помолчи, – прикрикнул герцог, догоняя ординарца. – Лопе, как устроили слуг сеньоры и лошадей?

– Их поставили там, где обычно ставят выезд вашей матушки.

– Хорошо. Помнишь, где «Песня паломника»?

– Да, сеньор. Направо от разрушенной башни, за овечьим колодцем, – Лопе вечно говорил, словно выдавливая слова. Тех, кто видел одноухого гиганта впервые, это пугало, но Карлос не променял бы Лопе на роту султанских телохранителей. И даже на армию.

– Хайме, направо, да поосторожней, не задави какую-нибудь паломницу.

– Сам не задави! – огрызнулся шурина. – Постой, ты сказал, направо? Но Сургос налево!

– Спасибо, объяснил, а то я не знал. Хотя... Отправлю-ка я тебя к командору засвидетельствовать почтение, а сам – к хитанам.

– Хитаны тоже в Сургосе, – вывернулся шурина, – а ты... Ты что, в горы собрался?!

– Дальше, в Виорн, – свел брови де Ригаско. – Меня давно привлекают хаммериане и, особенно, хаммерианки. Я решил послушать парочку проповедей.

– Шутишь? – предположил Хайме, но в смешливых глазах мелькнула растерянность. – С ними же с тоски сбесишься!

– А кто сказал, что мир создан для радости? – пожал плечами Карлос и не выдержал, засмеялся. – Ладно, твоя взяла, проповедей не будет. Для начала завернем в «Песню». Альфорка с Доблехо, надо полагать, уже там, я их пригласил, если ты не знал. Надеюсь, бездельники еще не все проглотили, а дальше... Лично я намерен нанести визит горным кабанам. Приватный, разумеется.

Глава 2

1

Караван был небольшим, чтобы не сказать убогим – крытая повозка да дюжина всадников. Для приличной охоты мало до невозможности, но Карлос собирался набрать загонщиков в каком-то Туторе-де-ла-Серроха. Заехать в городок присоветовал прицепившийся к столичным гостям пожилой дворянин, только откуда в таком захолустье хорошие загонщики? Наверняка какие-нибудь увальни на мулах...

– Надо было взять собак в Ригаско, – проворчал Хайме, разглядывая серо-желтые от выгоревшей травы предгорья. – Бьюсь об заклад, в этом Туторе нам подсунут каких-нибудь дворняг! И аркебузы у нас не охотничьи, и...

– Помолчи! – огрызнулся Карлос, еще вчера укушенный дурной мухой. – А еще лучше подумай. На кого бы мы походили, заявившись в обитель с гончими и кабаньими мечами? Да еще накануне праздника!

– Собак можно было сразу в «Песню», – заупрямился Хайме, – и загонщиков туда же.

– А то у Инес с Гьомар глаз и ушей нет? – Де Ригаско приподнялся в стременах, обозревая расплавленный горизонт. – Сейчас мы взяли да поехали. То ли в Сургос, к Хенилье, то ли к границе. Ну, погоняли мимоходом кабанов, местные дворяне подбили... А заикнись я об охоте, сидеть бы мне в монастырском приюте до конца празднований, да и тебе тоже.

– Почему? – не понял Хайме, полагавший сидение в четырех стенах дурной тратой времени. – Нас же все равно внутрь не пустили бы.

– Женишься – узнаешь, – отрезал герцог и замолчал. Когда Карлос подобным образом обрывал разговор, самым разумным было убраться подальше, что Хайме и сделал, придерживав Пикаро. Ссора в планы молодого человека не входила никоим образом, тем более Карлос согласился взять родича в полк. Хайме готовился к разговору всю дорогу от Ригаско до Муэны, а он занял пару минут. Родич сперва ругнулся от неожиданности, потом рассмеялся и, наконец, согласился. Надо полагать, вспомнил, как сам в юности удрал на войну под чужим именем. Конечно, наследника де Ригаско скоро опознали, но Карлос успел прослыть храбрецом и счастливчиком. Товарищи простили ему даже титул, а у Хайме де Реваля особых титулов нет. Дворянин и дворянин, не первый и не последний. То есть пока не первый...

Молодой человек верил в свою звезду и не сомневался, что быть ему новым Адалидом, но для начала следовало попасть в армию и на войну. С первым решилось на удивление просто, но войны не предвиделось. Жаль, но ничего не поделаешь! Хайме пару раз щипнул то место, на котором предстояло появиться усам, и присоединился к повозке, вернее, к ехавшим рядом с ней офицерам и местному сеньору. Имя муэнца, как назло, вылетело из головы, но именно он приветливо улыбнулся и заставил солового шагнуть в сторону, освобождая место еще для одного всадника.

– Вы ведь впервые в наших краях, не так ли? – на правах старшего осведомился муэнец.

– Да, сударь, – подбоченился Хайме, – но, надеюсь, не в последний. Когда дойдут руки до Бутора, Муэны не миновать.

– Вижу, вы жаждете крови? – подмигнул Себастьян Доблехо. – Со временем это пройдет. Годам эдак к шестидесяти.

– К пятидесяти. – Мануэль Альфорка, которого друзья чаще звали Маноло, не мог не спорить. – В любом случае у Хайме до успокоения прорва времени.

– О да. – Доблехо развернулся к муэнцу. – Дон Луис, да будет вам известно, что сей юнец вступает в наш полк.

– От всей души поздравляю! – Дон Луис был сама сердечность, и юноша едва не кинулся к нему на шею. – Насколько я понял, вы родственник герцога?

– Я – брат Инес! – выпалил Хайме, прежде чем сообразил, что провинциал вряд ли знает сестру.

– Хайме – шурин нашего полковника, – уточнил Альфорка. – Надеюсь, ты знаешь, что с тебя обед персон на двадцать?

– Разумеется. – Будущий полководец небрежно пожал плечами. – «Повелитель обжор» подойдет?

– И давно ты там был последний раз? – вкрадчиво осведомился Себастьян.

Хайме предпочел не расслышать. Тщательно поправив шейный платок, он повернулся к муэнцу:

– Сеньор, а вам доводилось воевать?

– А что было делать, дон Хайме? – Худое лицо стало грустным. – Нельзя же сидеть дома, когда по соседству умирают, но война – это не праздник. Далеко не праздник. Из муэнского ополчения вернулась едва ли треть. Хаммериане не боятся умирать, они боятся мало убить.

– Сеньор Лихана, – подкрутил усы Альфорка, – не пугайте нашего героя. Тем паче лоассцам теперь не до нас.

– Но молодой Бутор стал королем. – Дон Луис казался удивленным. – Его единоверцы просто не позволят Лоассу соблюдать договор, подписанный покойным Филиппом.

– Через полгода «белолобым»⁶ конец, – отмахнулся Доблехо, – если не раньше. Сколько в Лоассе хаммериан и сколько добрых мундиалитов?

– Еретики упорны и злы, – поморщился муэнец, – и они не боятся умирать. Мы стояли против полка из Виорна, а в этой провинции хаммериане особенно сильны. Я до сих пор не понимаю, как мы выдержали, и не верю, что остался жив. Они бьют, даже умирая... Нет, сеньоры, Бутор не отдаст корону, а его безумная мать и маршал Танти не успокоятся, пока не навяжут свою ересь всем, до кого смогут дотянуться. Вспомните Кровавую свадьбу! Гостей-хаммериан было две тысячи, хозяев-мундиалитов – десять, и где они теперь? В раю. Вместе с королем и королевой-матерью...

– Я слишком долго воевал с Филиппом Дорифо, чтобы его оплакивать. – Альфорка хлопнул себя по щеке и с отвращением поднес к глазам испачканную перчатку. – Но в мир с Луи не верю, хоть режьте! Дьявол бы побрал этих мух заодно с пылью. Далеко еще?

– Нет. – Лихана как-то умудрялся отличать один холм от другого. – Сейчас будет Липкая горка. ТUTOR-де-ла-Серроха за ней.

2

Это был не город, даже не городок, а городишко, раскаленный, как преисподняя, с узкими улочками, глухими стенами и вездесущей пылью. Впрочем, будь ТUTOR райским садом, Карлоса и тогда бы передернуло от отвращения, уж такой день выдался. Герцог угрюмо вытер вспотевший лоб, сам не понимая, зачем ему понадобились кабаны, которых еще нужно найти. Прошлого не догнать, а вот настоящее убить можно. Не следовало оставлять Иньиту в праздник одну. И неважно, что мужчинам вход в обитель заказан, они бы увиделись во время крестного хода, а потом, Инес изменчива, как апрельское солнышко. С нее станется все бросить и помчаться к мужу, а его нет... А если малышка узнает, что он развлекается? Проклятье!

⁶ Презрительное прозвище хаммериан, носивших белые головные повязки с крестами, поверх которых надевались суконные или полотняные белые же шляпы-колпаки.

– Мой сеньор! – Плотный чернобровый мужчина с цепью алькальда на достойных молодой плечах заступил дорогу, улыбаясь улыбкой блаженного. За спиной здоровяка топтались похожий на овцу чиновник с чернильницей на поясе и два умудренных жизнью альгвазила с надраенными алебардами. – Мой герцог Титор-де-ла Серроха счастлив приветствовать вас в своих стенах! Получив письмо синьора Лиханы, я незамедлительно... я тотчас же... я тут же начал искать...

– Благодарю, – перебил Карлос, с трудом сдерживая непонятную злобу. Языческие владыки в подобных случаях удалялись в священные рощи, но у Карлоса де Ригаско под рукой не было не только рощи, но и приличного дерева. И не будет, пока они не доберутся до Альконьи с ее ущельями и ручьями.

– Я счастлив служить столь высокому гостю, – единым духом выпалил алькальд. И как только он их поймал? Наверняка с утра караулил.

– Сеньор Овехуна, – подал голос подъехавший Лихана, – герцогу де Ригаско, как я и писал, нужны загонщики и проводники. Не позднее чем к вечеру. Не волнуйтесь, сударь. Это опытные люди, они в сезон охоты всегда помогают заезжим сеньорам, а сейчас не у дел.

– Им заплатят, – внес свою лепту Карлос, разглядывая сжатую глухими стенами улочку и вываливших языки собак, не способных не то что лаять – двигаться.

– Загонщики будут счастливы! – всплеснул могучими руками алькальд. – Но... Господи! Нас посетил сам герцог де Ригаско! Боюсь, наше жалкое гостеприимство...

– Не бойтесь! – цыкнул упомянутый герцог, нащупывая в кармане влажный комочек. Все, что осталось от вчерашнего цветка. – Надеюсь, здесь есть таверна?

– «Королевские алмазы», – подсказал Лихана. – Через месяц в ней будет не протолкнуться, но сейчас для охоты слишком жарко.

– Вижу, – буркнул Карлос. Говорить не хотелось, есть и охотиться тоже, но возвращаться ни с чем глупо, а к вечеру все наладится. Нужно только набрать загонщиков и выехать в горы, где прохлада и тень. В горах можно послать всех к дьяволу, отбиться от кавалькады, разыскать какой-нибудь ручей, сесть на камень и смотреть, как струится вода, ни о чем не думая, не вспоминая, не сожалея.

– Мясо хозяин жарит неплохо, – заверил Лихана. – Я же, с вашего разрешения, наведаюсь домой, посмотрю, чем смогу помочь. В нашей глуши только и забав, что охота, так что я собрал сносный арсенал. Конечно, вы привыкли к лучшему...

– Мы привыкли ко всякому, – усмехнулся де Ригаско, – но я предпочел бы выбрать себе рогатину по руке. После обеда, который вы с нами разделите, как и нашу небольшую экспедицию. Сеньор, я настаиваю.

– Настаиваете? – переспросил Лихана. Он был приятно удивлен. Провинциалу всегда в радость пристать к столичной, но не слишком заносчивой компании. И новости послушаешь, и от местной скуки избавишься.

– Я весьма назойливый гость, – слегка развел руками Карлос, – и намерен не только выпросить у вас подходящую снасть, но и завладеть вашим временем. Мы, как вы понимаете, не собирались охотиться и плохо знаем местность.

– Мой сеньор! – Алькальд разве что не обнимал герцогского коня, и Карлос на всякий случай намотал на руку поводья. – Мой сеньор, по счастливому стечению обстоятельств в городе находятся трое из де Гуальдо. Старейшая фамилия... Лучше их Альконью не знает никто.

– Так пригласите их от моего имени, – распорядился Карлос и, спохватившись, полез за кошельком, – загонщики должны быть к вечеру.

3

Овехуна суетился и заискивал. Он вечно суетился, заискивал и просил, эдакая бычья туша с заячьим сердцем, хотя зайцы умеют сражаться. Когда нет выхода.

– Хорошо! – поморщился отец. – Мы пойдем и поговорим с этим герцогом.

– Пойдем, – повторил дядя Орасио, берясь за любимую шляпу, – и поговорим.

– Я буду счастлив представить вас герцогу де Ригаско, – завел свою песню Овехуна, – подумать только, родич его величества – и в наших краях!.. Такая неслыханная честь, мы должны сделать все возможное...

Теперь столичные птицы возомнят, что де Гуальдо по первому их слову на четвереньки встанут, но не пускать же в Альконью без присмотра кого попало. И чего их принесло раньше времени, сидели бы лучше в столице. Леон поморщился и сделал знак «рогов», словно отвращая дурной глаз. Отец поднял бровь, но промолчал – завтрашняя охота ему не нравилась.

Пахло дымом и мясом, за забором надсадно завопил осел. Зной в городе казался нестерпимым, даже странно, что в десятке милья можно свободно дышать. Станные люди: полгода добровольно жарятся, полгода леденеют под пыльными ветрами. Это страшней любых призраков, но Овехуна и иже с ним шарахаются от непонятного и терпят невыносимое. И будут терпеть, глотать пыль, целовать чужие сапоги...

– Де Ригаско очень влиятельны, – продолжал распинаться дурак с цепью, – очень... Нужно, чтоб они остались довольны!

– Сколько их? – перешел к делу дядя. – Какое у них оружие, свора, на что они похожи?

– Сам герцог – знаменитый воин и родич его величества, – с видимым наслаждением объяснил Овехуна. – С ним – родственник, блестящий молодой человек, двое офицеров и пятеро слуг. Камердинер сеньора – бывалый человек. Он не ниже вас, дон Хулио, и весь в шрамах.

– И все? – удивился отец. – Они что, кабанам свидание назначили?

– Собаки будут, – на ходу замахав руками, алькальд обрел сходство с рехнувшейся от жары мельницей, – и загонщики, и оружие. Сеньор Лихана откроет свой арсенал.

– Уже легче, – хмыкнул дядя. – Значит, старина Луис с ними?

– Сеньор Лихана любит охоту, – с подобием достоинства изрек Овехуна, – ради нее он готов перевернуть мир.

О пристрастии дона Луиса в Альконье знали все. Как и о том, что старик кого попало к себе не тащит. Надо полагать, этот Ригаско, хоть и королевский родич, не скотина. Леон глянул на поношенную отцовскую куртку, поднес к глазам собственный обшлаг, тоже довольно потертый. Конечно, не в перьях и кружевах счастье, но казаться бедней, чем ты есть, неприятно, только кто же знал, что придется иметь дело со столичным грандом?

4

– Добро пожаловать! – Лицо трактирщика лучилось счастьем. – Вас ждут! Вас очень ждут...

– Мой сеньор, – возгласил алькальд, пожирая взглядом кого-то сидящего за уставленным снедью столом, – разрешите представить вам господ де Гуальдо!

– Я рад. – Высокий дворянин с рассеченной шрамом бровью вышел из-за стола, плечом отодвинув услужливого Овехуну. – Я – полковник Карлос де Ригаско. Этот паршивец – мой шурин Хайме, рядом с ним мои друзья – Мануэль Альфорка и Себастьян Доблехо. Сеньора Лихану вы, надо полагать, знаете. Надеюсь, вы не откажетесь от трапезы?

– Не откажемся, – с ходу принял решение отец. – Мое имя Хулио-Рамон. Мой брат Мартин-Орасио, мой младший сын Леон-Диего. Говорят, вы собрались на охоту?

– Да, – улыбнулся герцог, – надо же себя чем-то занять, пока супруга молится, а охота всяко достойней вина и карт.

– Кабаны и олени с этим вряд ли согласятся, – ввернул горбоносый офицер, кажется, его звали Себастьяном, – но мы спрашивать у них не станем.

– Не станем. – Дядя взялся за кружку, значит, чужаки ему понравились. Война делает людьми всех, даже королевских родичей, жаль, де Гуальдо никогда не покидают Альконью.

– Сеньор Лихана любезно обещал поделиться с нами оружием. – Де Ригаско благодарно кивнул дону Луису. – Не каждый может похвастаться рогатинами из Миттельрайха!

– Они к вашим услугам. – Лихана отбросил свою обычную церемонность, словно плащ. – Жаль, наши мастера предпочитают ковать клинки иного рода.

– Лично я предпочитаю кабаньи мечи, – сообщил круглолицый офицер, – или аркебузы. У вас есть аркебуза, сеньор Лихана?

– Пять. – Дон Луис был горд и счастлив, как всегда, когда говорил о своих сокровищах. – Кабаньи мечи тоже найдутся. Доньидская сталь.

– Нам повезло, что мы встретили вас, – де Ригаско приподнял кружку с вином, – и нам повезло еще раз, что к нам присоединились господа де Гуальдо. Чужакам редко улыбается удача.

– Альконья своевольна, – подтвердил дядя, от души хлебнув прошлогоднего красного. – За удачу! Лесорубы говорят, Вальпа-Сердо истоптана вдоль и поперек. Матки и поросята... Но мы поднимем и секача.

– Жаль. – Герцог ловко отхватил кусок мяса. Кинжал у него был роскошный, в пору королю. – Вальпа-Сердо слишком близко от обители, а моей супруге знать о нашем предприятии необязательно. Рио-де-Онсас ближе.

– Нет, – отец стукнул кружкой об стол, словно кулаком. Выплеснувшееся вино попало на кинжал. Будь оно кровью, де Ригаско следовало бы три дня не выезжать за ворота, но это не кровь.

– Рио-де-Онсас не годится для охоты, – пояснил дядя, разглядывая красную лужицу.

– Почему? – не понял родич герцога. Пока старшие говорили, он пил, и он был здесь чужаком.

– Загонщики не пойдут, – нахмурился Лихана. – Сколько б вы им ни предлагали. Пролить кровь у реки могут лишь дикие твари.

– Почему? – повторил за шурином де Ригаско.

– Об этом следовало спросить наших предков. Они считали, что тревожить Альконью не к добру. Так ли это, никто не проверял, по крайней мере на моей памяти, а я здесь родился и здесь умру.

– Лет через тридцать, – ввернул дядюшка, – но на ближнем берегу свет клином не сошелся. За рекой нам не помешают ни духи, ни монахи. Правда, дичи там маловато, не разгуляешься, и повозки придется оставить. Приличная дорога кончается сразу за Титором, дальше до самой реки поросшие лесом холмы.

– За Рио-де-Онсас есть пара мест, где могут быть кабаны. – Дон Луис не отказался бы от охоты даже в Судный день. – Это не так уж и далеко.

Глава 3

1

В тростниках орали лягушки. Разноголосый переливчатый хор не то чего-то просил, не то кого-то оплакивал, а над темной иззубренной грядой, за которой бурлила Рио-де-Онсас, вставала ржавая луна, огромная и тревожная. Еще одна луна легла на озерную гладь увядающим цветком.

– Я бы советовал вам поспать. – Старший де Гуальдо вышел из-за похожих на пьющих быков скал и встал между Карлосом и озером. – Не стоит смотреть на воду в полнолуние, да и вставать затемно.

– Вы боитесь луны, – сонно удивился герцог, – почему?

– Я – нет, – покачал головой горец, – но я ни о чем не сожалею.

– Я тоже. Мне не о чем сожалеть.

– В таком случае почему вы не спите? – Муэнец пожал богатырскими плечами и скрылся за палатками, а луны остались, но теперь они больше походили на костры.

Лягушки стонали все громче, прилетевший с гор ветер коснулся лица, но водное зеркало осталось спокойным. Герцог оглянулся на затихший лагерь, после ужина де Гуальдо залили огонь и все разбрелись по палаткам, но вот уснули ли? Совет лечь был разумным, но следовать ему отчего-то не хотелось. Не хотелось оказаться беспомощным и нелепым... Перед кем? Не перед луной же?! Горцы мирно спят, лошади и собаки – тоже. Твари бессловесные чуют не только врагов и волков, значит, здесь нет никакой погани. Это озеро спокойно, совершенно спокойно, ему нет дела до ветра в вершинах деревьев, до ревущей за холмами реки, оно просто спит под лягушачью колыбельную и отражает звезды.

– Оно не спит, мой сеньор, оно помнит и боится забыть...

Лола! Перышко на шее, в черных кудрях – цветок, на этот раз белый...

– Ты мне снишься, мучача? Или я брежу?

– Я не могу сниться, мой сеньор. Ты не бросил мой подарок, а я не брошу твой. Хочешь, я буду с тобой? Хочешь, чтобы я ушла? Хочешь сам уйти? Тогда я оседлаю коня, вороного коня с белой звездой на лбу. Он увезет тебя к твоей сеньоре.

А ведь оседлает... К утру он будет у стен монастыря, а что дальше? Лезть через стену к Инес, которая, может, ждет, а может, спит или молится? Зато монахини в канун праздника не спят наверняка, увидят, поднимут крик... Хорош родич его мундиалитского величества. Собрался осквернить святыню, как какой-нибудь язычник.

– Я не поеду к своей сеньоре, Лола.

– Ты все еще ждешь Ампаро? Она не придет, ее нет.

– Умерла?!

– Почему умерла? Забыла. И ты забудь. Кто забывает, тот убивает. Она тебя убила, убей и ты ее. Не гляди в воду в полнолуние, не оглядывайся назад. Хочешь, я тебе спою?

– Ты разбудишь моего родича, мучача. Он спрашивал о тебе.

– Зачем? – пожал плечиками хитана. – Он должен спросить о другом, и не тебя. И не сейчас. Мой сеньор хочет песню или он хочет большего?

Ампаро не спрашивала. Она просто танцевала, дразня улыбкой, а теперь забыла. Забыла ли?

– Я не верю тебе, мучача. Если помню я, помнит и Ампаро. У ее сына мои глаза, она мне это обещала.

– У твоего сына будут твои глаза, – серьезно сказала хитана, – клянусь тебе. Оседлать коня?

– Не нужно...

2

Вопреки благим намерениям, Хайме проснулся позже всех. Даже не проснулся, а был разбужен Лопе. Гигант-ординарец растолкал молодого человека и, как всегда неторопливо, отправился к лошадям. Хайме потряс головой и выбрался из палатки. Лагерь кипел, словно луковая похлебка, и шумел, как базар. Мертвый, и тот бы проснулся, а Хайме был жив и голоден. Юноша провел пальцем по верхней губе – брить было по-прежнему нечего – и сбежал к озеру. Запримеченный с вечера треугольный камень змеиной головой вдавался в прозрачную воду, на самом краю примостилась глазастая стрекоза. Еще одна пронеслась мимо, Хайме невольно попытался ее схватить. Куда там!

– Вижу, вы уже охотитесь? – Волосы Маноло Альфорки слиплись от воды, рубаха была развязана.

– Пытаюсь, – отшутился молодой человек. – Хорошо, что мы нашли, где во время праздников погонять кабанов.

– Еще бы, – подмигнул Альфорка. – Конечно, на причуды Карлоса глаза закроют, но совсем уж наглеть не стоит. Жаль, тайное рано или поздно станет явным, но эта неделя наша.

Хайме кивнул, разглядывая озеро. Утро выдалось прохладным, и купаться не то чтоб вовсе не хотелось, но хрустальные глубины немного пугали. Стрекозе надоело греться, и она отправилась по своим делам. Вернее, хотела, но оказалась в кулаке Мануэля.

– Вода теплая. – Альфорка с интересом разглядывал добычу. – По крайней мере, здесь, но слева со дна бьют ключи. Ты поосторожней, озерцо не из добрых.

Хайме пожал плечами, но купаться расхотелось окончательно. Хорошо, на береговой тропинке показались всадники на мулах. Вчерашние загонщики! Нашли добычу и вернулись, до купанья ли тут!

– Похоже, нам повезло. – Альфорка жизнерадостно подмигнул собеседнику и подбросил стрекозу вверх. – С пустыми руками они бы не вернулись.

– Еще бы! – Хайме повернулся спиной к неприветливой воде. – А говорили, дичи мало...

– Скорее бы собак привели, а то торчи тут до полудня.

– Свора дона Луиса, по слухам, мало чем уступит королевской, – утешил Маноло, – а что в Туторе было, ты сам видел...

– Эй! – Бегущий к берегу Доблехо призывно махал обеими руками. – Живо сюда! Оба!

– Кабан или олень? – усмехнулся Альфорка. – Что скажешь?

– Кабан! – решил Хайме, полагавший клыкастую добычу более почетной.

– Тогда я за оленя! Десять реалов!

– Идет, – поддержал пари Хайме. – Кто свидетель? Доблехо?

– Себастьян! – не стал ходить вокруг да около Альфорка. – Я ставил на оленя, Хайме – на кабана. Кто выиграл?

– Никто, – буркнул офицер. – Загонщики нарвались на «белолобых». Сотни две, не меньше... Карлос велел идти к нему.

– Лоассцы? – не понял Маноло. – Этим-то что здесь делать?

– А ты как думаешь? – огрызнулся Доблехо. Альфорка не ответил, Хайме тоже промолчал. Желания исполнялись стремительно, но замаячившая впереди схватка холодила не хуже подводных ключей.

– Явились? – Карлос быстро обвел глазами офицеров и шурина. – А у нас тут радость. Негаданная. Повтори, что вы видели.

– Бесноватых. – Загонщик в желтой шляпе глядел сразу на Карлоса и на застегнутого на все пуговицы Лихану. – В колпаках этих... Верхами шли. К Чертову Зеркалу, больше некуда.

– Брод северней дороги на Сургос, – пояснил дон Луис. – Выше Рио-де-Онсас не перейти, но перед холмами она разливается и смиряет норы. Правда, ниже опять скачет...

– Когда «белолобые» будут там и когда будем мы? – Карлос зачем-то сунул руку в карман, быстро вынул, почти выдернул, и потер виски. На выпавшегося он походил мало.

– Хаммериане доберутся до Зеркала часа через полтора. – Лихана глянул на старшего де Гуальдо, и тот кивнул. – Нам не обогнать: река изгибается.

– Бесноватые прут напрямую. – Горец досадливо поморщился. – Чтобы их перехватить, нужно огибать излучину и идти в обход.

– Проклятье! – Альфорка топнул ногой, словно это могло что-то изменить. – Их точно две сотни?

– Не меньше. – Карлос ногами не топал и кулаки не сжимал. – Загонщики видели только хвост колонны, голова уже скрылась в зарослях. Их может быть и три сотни, и четыре, и пять. Куда они идут, объяснять?

– В обход гарнизона они идут, – предположил Лихана, – иначе не забирали бы так далеко в тылы.

– Праздник решили устроить, – выдохнул Себастьян, – сволочи! Мало им у Сан-Марио было...

– Сегодня Вознесение Пречистой, – напомнил Лихана и поправил шляпу.

– Карлос, где твой полк, – Альфорка все же решил пошутить, – или хотя бы рота?

– Хватит и гарнизона, – медленно произнес де Ригаско. – Сеньор де Лихана, сеньор де Гуальдо, вы мне не подчиняетесь, но я вынужден просить вашей помощи. Нужно предупредить командора, а в ваших холмах легко заплутать.

– Леон их знает, – заверил старший де Гуальдо, – и он легче нас всех. К сожалению, мы взяли с собой не самых быстрых лошадей.

– Пикаро – хороший конь, – услышал собственный голос Хайме, – только слегка тугоуздый.

– Леон – отличный наездник, – живо откликнулся дон Хулио. – Сеньор де Ригаско, если вы знаете сеньора Хенилью...

– Знаю, – перебил Карлос, – ему нужен приказ, он будет. Хенилья примет меры, кто бы ни привез письмо.

– А чем займемся мы? – деловито уточнил Себастьян. – Кабаны могут спать спокойно, но охота, надеюсь, продолжается?

– Выйдем к броду и пойдем по следу. Солдат на «белолобых» еще навести нужно... Хайме!

– Да!

– Черт, ты же теперь на чужой лошади... Бласко, поскачешь в обитель. Предупредишь аббатису и заберешь Инес.

– Хенилья успеет, – вмешался Мануэль, – должен успеть.

– Не сомневаюсь, но Инес отправится домой. Это война, сеньоры. Неужели непонятно?

– «Белолобые» еще не Лоасс, – напомнил Себастьян. – Или... Неужели у них королевские знамена?

– Нет, – мотнул головой Карлос. – «Белолобые» – факел, который летит в соломенную крышу. Если они дорвутся до монастыря, миру конец. Если не дорвутся, то же самое. Сотен убиенных единоверцев Бутор нам не простит. Не сможет простить, иначе свои же сожрут.

– Кто? – не понял Лихана.

– Те, кто втащил его на трон, превратив королевскую свадьбу в резню, – пояснил де Ригаско. – Виорнская Вдова ⁷ и маршал Танти. Господа де Гуальдо, сеньор де Лихана, каковы ваши намерения?

– Я остаюсь, – голос муэнца прозвучал буднично и спокойно. – Только пошлю кого-нибудь передать, что свору сюда приводить не нужно.

Дон Хулио переглянулся с братом.

– Мы заедем в замок. Нам нужно кое-что взять...

– И рассказать отцу и братьям. Мы вас найдем.

– Хайме, – Карлос неторопливо опустился на серый обломок, – познакомь Леона с Пикаро, а я напишу письмо. Дон Луис, расплатитесь с загонщиками... С теми, кто пожелает вернуться. Жаль, что ваши собаки нам теперь не скоро понадобятся. Мануэль, будь другом, проверь пистолеты...

– Проверю, – лицо Альфорки стало лукавым, – так ты собрался следить или все-таки драться?

– Сперва первое, а затем второе. Неужели ты думаешь, что я предоставляю визитеров Хенилье? Это было бы невежливо.

3

Что за сила раздвинула в незапамятные времена горы, выпустив беснующуюся реку на простор, чтобы мильей ниже вновь загнать в каменистую щель? Может, и впрямь, черт или скорее сам Сатана. Но тогда почему здесь столько света – усыпавшая берег галька и та слепит глаза белизной... Куда там колпакам развернувшихся в боевое охранение лоассцев. Умело развернувшихся, ничего не скажешь! Лихана не ошибся, хаммериане добрались до переправы раньше и времени зря не теряли.

– Черт бы побрал этого черта! – прошипел Альфорка. – Нашел где свою образину рассматривать!

– Для своих старался, – шепотом же откликнулся Себастьян. Лихана промолчал – шевелил губами, считал переправлявшихся. Хаммериане бойко перебирались через сверкающий плес, вышколенные кони дюжина за дюжиной разбивали проклятое зеркало, а оно, сверкая, срасталось за их спинами. Обещанные загонщиками две сотни уже переправились, но это было не все, далеко не все... У страха на сей раз глаза оказались не велики, а малы: через реку пер полк, и судя по тому, как мокрые всадники строились в походный порядок на выровненной все тем же чертом площадке, полк боевой.

Знамен и кокард не наблюдалось, но сноровка и деловитость говорили сами за себя. Это были солдаты, причем многоопытные, вышколенные и готовые к любым неожиданностям. Правда, всего не предусмотрели и они. Хозяев гости опасались, но заподозрить в груди перевитых ползучими розами камней тайное убежище не сумели. Или, вернее, проводник сплеховал. Должен же у них быть проводник, так просто по здешним тропам не побегаешь. Не обошлось и без предателя в городе или в гарнизоне. Наобум лезут иначе, а этот визит готовили, и готовили тщательно...

– Карлос, – окликнул Альфорка, – видишь? На сером...

Плечистый всадник на высокой серой лошади выбрался на ближний берег и неторопливо поправил колпак. За ним как пришитые следовали четверо здоровяков. Плечистый развернул коня и поднес к глазам руку, разглядывая переправу.

⁷ Мать Луи Бутора, «королева Виорна» Иоанна.

– Полагаю, перед нами начальник, – сообщил так и не утративший церемонности Лихана, – вы не находите?

– Нахожу. – Пристрелить бы этого начальника, а еще лучше на пару с проводником, но далеко. Разве что прорубиться, только Инес рано во вдовы, а Леон уже на полдороге к Сургосу. Коннице, если быстро поднимется, нужно часа два, а «белолобые» отстают от муэнца часа на четыре, не меньше.

– Хвост! – возвестил Маноло. – Давно пора, дьявол их побери!

– Четыреста восемьдесят два человека, считая начальника. – Лихана, морщась, отполз от щели между камнями, сел и снова поморщился.

– Старые раны? – посочувствовал Себастьян, не имевший обыкновения молчать. Особенно перед дракой.

– Нет, – покачал головой муэнец, – старость и позапрошлая зима... Месяц в развалинах без меховых плащей – это почти казнь.

– Так вы стояли в Сальсá? – оживился Доблехо. – А мы...

– Сейчас мы в Альконье, – напомнил Карлос, – и у нас нет времени для воспоминаний.

– Прошу прощения, господин полковник.

Надулся, нашел время!

– Ваши слуги смогут прикрыть нам спину? – разрядил обстановку дон Луис. – Ваш ординарец производит впечатление старого солдата, но остальные четверо...

– С какой стороны за наваху хвататься, знают. – Да и кто не знает, времена нынче, прямо скажем, веселые. Адалид и тот бы взвыл. – Здесь, надеюсь, одна дорога?

– Нет. Можно идти берегом до Сургосской дороги, а можно свернуть в холмы и выскочить на тракт ниже Тудора... Если, конечно, им нужен монастырь.

– Бойтесь, что они предпочтут господина Овехуну?

– Боюсь, – признался Лихана. – Что поделаться, когда речь идет о твоём гнезде, поневоле начинаешь кудахтать.

– Загонщики предупредят горожан, – не очень уверенно произнес Альфорка, – люди успеют уйти.

– Никуда они не пойдут, – отмахнулся Себастьян, – непуганая дичь не взлетает, а войны в Муэне не видали лет двести.

– Хватит! – прикрикнул Карлос. В Тудоре у него никого не было, но Инья оказалась слишком близко от белого полка. Слишком! – Дон Луис, успокойтесь. К нам пожаловали не грабители, не насильники и не мародеры, а убийцы. Причем опытные. Им нужна обитель...

Сверху конные белоголовые фигурки выглядели мелкими, нелепыми и безобидными. Хаммериане со своими песнопениями, бритыми лицами и колпаками были бы смешными, не будь они страшными. Бедняга Филипп это знал, но решил покататься на драконе. Виорнцы помогли умнику не проиграть войну, а потом маршал Танти предложил скрепить союз хаммериан и мундиалитов браком. Король согласился отдать сестру сыну одержимой Иоанны, а что ему было делать? Только позвать Ротбартов... Волки Миттельрайха перервали б наследникам Хаммера глотку, но что бы осталось от Лоасса?

– Построились. – Лопе тихонько тронул господина за плечо. – Сейчас двинутся.

– В холмы наладились. – На скулах Альфорки заходили желваки. – Торопятся, черти белолобые! Ничего, Гонсало их приветит.

– Будем надеяться. – Белочешуйчатая змея дрогнула и неспешно поползла прочь от равнодушного Зеркала. Впереди кузнечиками прыгал дозор, вокруг трусили всадники охранения. Все верно – холмы вдоль дороги нужно прошупывать.

– До главного не добраться. – Доля наблюдателя Маноло явно тяготила. Еще бы, меткость Альфорки давно вошла в поговорку. – Разве что обогнать и обстрелять. Лучше сверху. Дон Луис, место для засады не подскажите?

– Засады не будет. – Карлос смахнул с рукава какую-то пушинку. Интересно, почему хитаны таскают на груди перышки? Надо было спросить Ампаро, да в голову не пришло.

– Ты бы еще ультиматум им предъявил, – поддразнил стрелка Себастьян. – Дождемся Хенилью, стреляй, сколько душе угодно.

– Глупо ждать. – Альфорка только что не кусался. – Я среди «белолобых» одного в берете приглядел. Похоже, проводник. Вот его бы...

– Обойдешься, – отмахнулся де Ригаско, – незачем их раньше времени полошить.

Куда двинется Гонсало, сразу к монастырю или наперерез? Если поторопиться, гостей можно не выпустить из холмов, но Гонсало никогда не спешит и все по десять раз проверяет. Значит, это будет монастырская дорога, и дай боже, чтоб хаммерианам не пришло в голову по пути «проповедовать». На что похожи деревушки и городки после визита «бичей Господних», Карлос не видел, но слышал довольно, чтобы бояться за смешной Тотор, одинокие мельницы, адуар, в котором нет Ампаро и его ребенка, но есть другие женщины и другие дети.

Лола однажды уже бежала от «белолобых». «Здесь вам ничего не грозит...» И кто только за язык тянул?! Выходит, не ждать? Броситься на дракона с вилкой? Четверо вояк, Лихана с больной спиной, дуралей Хайме и слуги с увязавшимися загонщиками... Это даже не смешно, хотя прикончить главаря с проводником можно. Если повезет. Только потом не будет ничего – ни Инес, ни войны, ни ночного озера с его снами...

– Спокойно, – медленно произнес де Ригаско, – пока от нас мало что зависит, но господ хаммериан мы проводим. Хенилья должен знать о них все.

Глава 4

1

Сеньор Хенилья и в обычный-то день казался застывшим, а узнав про «белолобых», и вовсе закаменел. Леон командора не торопил – слишком устал. Хорошо, конь герцогского родича и впрямь оказался отменным: другой бы уже десять раз упал, а Пикаро бежал. Конюх обещал поводить беднягу, но вот поводит ли?

– Пить хотите? – Хенилья кончил буравить взглядом увешанную оружием стену и устал вился на дурного вестника. – Садитесь.

– Спасибо, – Леон рухнул в кресло прежде, чем сообразил, что отдаст за кружку воды половину оставшейся жизни, – пить я хочу.

– Так пейте! – Хенилья сам плеснул в высокий кубок чего-то красного. Вина, но сейчас уже можно. – И расскажите все подробно. Полковник де Ригаско слишком краток, что, учитывая случившееся, объяснимо. Не бойтесь, не опоздаем.

– Я не боюсь, господин командор. – Как трудно оторваться от вина, но от воды было бы труднее. – Хаммериане сейчас или уже переправились через Рио-де-Онсас, или вот-вот переправятся. Если выступить немедленно...

– Мы выступим, как только капитанов вытащат из таверны и оседлают коней. Вы лично видели хаммериан?

– Их видели загонщики. Ошибиться они не могли.

– А солгать? – подался вперед Хенилья. – Будь это люди полковника де Ригаско или хотя бы ваши доверенные слуги, я бы не сомневался, но весть принесли горожане. Вы их раньше видели?

– Нет, но сеньор Лихана их, кажется, знает...

– Лихана – странный человек. – Командор задумчиво пожевал губами. Точно так же он жевал прошлым летом, когда привезший письмо деда Леон в первый и последний раз был в этом кабинете. – Лично я не знаю, почему дон Луис осел в Туторе, если он может жить в более приятном и приличествующем его положению и здоровью месте. Скажу больше. Появление этого человека рядом с герцогом де Ригаско вызывает у меня определенные сомнения.

– Мой отец и мой дядя там тоже появились. – Пустой кубок мешал, и Леон, поколебавшись, поставил его на стол. – Сюда идут хаммериане, сеньор Хенилья. Идут убивать.

– Или не идут, – уточнил командор, – впрочем, значения это не имеет. Нужно ехать. Если никаких хаммериан нет, придется заняться загонщиками и сеньором Лиханой. Если есть, отправить еретиков к дьяволу, который их и породил.

– Они есть. – Выдержать чужой пристальный взгляд было непросто, но скачка через раскаленную Муэну прикончила все страхи, кроме одного – опоздать.

– Возможно, – на этот раз Гонсало де Хенилья наполнил два кубка, – и все же я предпочел бы говорить с непосредственным свидетелем вторжения.

– Свидетели ездят на мулах, а хаммериане на лошадях. Их не менее двух сотен.

– Если они вообще есть, их будет не меньше полка, – буркнул командор, разворачивая свиток, оказавшийся картой. – Какой дорогой вы ехали? Через Тутор?

– Нет, через холмы. Так быстрее.

– Кого-нибудь встретили?

– Нет.

– Ваше счастье. Лоассцы, не оглядевшись, голову в петлю не сунут, особенно эти... Кто-то должен был проследить за гарнизоном и дать знать, что путь свободен. И этот кто-то, надо полагать, воспользовался короткой дорогой. Вашей дорогой. Мы пойдем ей же.

– В холмах коротких дорог много. – Какое мягкое кресло, но придется вставать и идти. Хуже, чем идти, – лезть в седло. Все начнется сначала: стук копыт, жара, разноцветные круги перед глазами, жесткая от высыхающего прямо на тебе пота рубаха... – Я готов, – выдавил из себя Леон. – Но мне нужна свежая лошадь.

– Она у вас будет. – Командор усмехнулся впервые за время разговора. – Даю вам час, молодой человек. Отдыхайте и наслаждайтесь жизнью, пока можете. За вами придут.

– Благодарю вас, дон Гонсало.

– Благодарить надо вас. Никогда не думали вступить в армию? Я бы вас взял.

– Де Гуальдо не покидают Альконью. – Но как же хочется покинуть и стать капитаном, командором, маршалом, наконец! Родственник де Ригаско наверняка станет, а ты сиди в своих предгорьях, куда после сегодняшнего никто не сунется еще лет сто!

– Я слышал о вашем семействе и не смею настаивать. Жаль, из вас бы получился хороший офицер. Я редко кому это говорю.

2

Если в здешних предгорьях что и было хорошего, то это тень и несколько попавшихся на глаза родников. Альконья защищала от солнца всех своих гостей, с чем бы те ни явились, и еще вопрос, кто был ей приятней – замахнувшиеся на местных тварей охотники или чужаки. Хаммериане не собирались проливать кровь на заповедном берегу, они вознамерились пролить ее дальше. Альконья могла спать под горячим предосенним солнцем, что она и делала. Не шумела темная жесткая листва, молчали отпавшие и оторвавшие по весне птицы, попряталось по своим убежищам зверье. Послеобеденная одурь обошла лишь ящериц да мелькавших сквозь разрывы в пропыленной усталой зелени коршунов. И еще она не тронула людей в

колпаках, грязно-белым потоком струившихся каменистой дорогой. Это над ними скользили падальщики, дожидаясь поживы. И как только догадались?

Пильо испуганно фыркнул и попятился. С причудливо изогнувшейся коряги стекла внушительная желтоголовица, тускло сверкнула возле обмотанных обрывками плаща копыт и юркнула под камень. И вновь ничего и никого. Лишь отдаленный цокот чужих подков да назойливое гудение и стрекот всякой летучей мелочи. Два отряда, большой и крохотный, тонули в часах и минутах, как в сонной озерной воде. Где-то за очерченными коршунами кругом просили Пречистую о ребенке сотни женщин, садились на коней солдаты Хенильи, прятали нехитрый скорб обитатели Тудора. Они были, и их не было...

– Сеньор, впереди прогалина. Этих... видно как на ладони. Глянете?

– Гляну! – Карлос, словно очнувшись, уставился на хмурого Лопе. Великан был таким, как всегда. – Ну и духота... Не поймешь, то ли лоассцы и впрямь здесь, то ли снятся.

– Тут они, уроды белолобые, – заверил ординарец, – а вы б лучше шляпу надели. Лес лесом, а голову печет.

– Нет у меня шляпы, – признался де Ригаско, – потерялась.

Такое с ним бывало, особенно перед боем. Судьба требовала дани и получала ее позабытым плащом, пустым желудком, лопнувшим не ко времени ремнем. Карлос де Ригаско был суеверен, как любой солдат, и знал, что пакость свое возьмет. И лучше ерундой, чем кровью.

– Потерять шляпу – к удаче! – с готовностью объявил Лопе. Ординарец знал своего господина как облупленного. Еще б не знать вздорного мальчишку, в один прекрасный день влезшего на самого строгого жеребца в конюшне... Шрам остался до сих пор памятью о наглости и удаче. И о том, как отец велел стереть кровь и идти на барьер. На своей лошадке. До строптивого жеребца дело дошло через два года...

– Дьявол и все его мухи! – Подъехавший Альфорка от злости разве что искры не пускал. – Ну почему эти твари так далеко?

– Объяснить? – предложил не отстававший от приятеля Доблехо. – Или сам догадаешься?

– Не догадаешься, Хайме спроси, – посоветовал Карлос, – или Хенилью, когда явится. Он тебе объяснит. В подробностях.

– Спасибо, не надо, – поблагодарил Маноло и погладил пистолет. – У него курок чешется.

– Так почеши! – не выдержал де Ригаско, притворяясь, что считает давно пересчитанных хаммериан. «Белолобые» шли уверенно и деловито. Проводник проводником, но без глаз в Сургосе не обошлось. Кто-то заверил гостей, что их не ждут, и этот кто-то вряд ли был чужаком.

– Карлос, – раздалось над ухом, – Карлос!

Герцог рывком обернулся, но это был всего лишь Хайме.

– А ты что тут делаешь? Твое место с Лиханой и загонщиками.

– Господин полковник! – отчеканил обиженный родственничек. – Сеньор Лихана велел доложить, что к нам присоединились господа де Гуальдо во главе с бароном. Числом семеро. С ними отряд из слуг, числом шестнадцать, и вьючные лошади, числом семь.

– Числом, говоришь? – усмехнулся Карлос. – Очень мило с их стороны. Что-нибудь еще?

– Нет, господин полковник. – Начав дуться, Хайме становился краток и деловит. Вот и славно.

– Передайте господам де Гуальдо мою благодарность, но они зря беспокоились. Хенилья подойдет через два или три часа. Впрочем, при желании они могут принять участие в охоте. В какой-нибудь из охот...

3

Ветер дул с гор, дул неистово, будто задавшись целью отбросить от усталой крепости вонь чужого лагеря. И так же неистово билось в звездном небе ставшее черным знамя, словно хотело что-то сказать, объяснить, предупредить... Утро вернет миру краски, и с лазоревого полотнища вновь глянет золотая яростная птица. Что она увидит? Доживет ли до нового вечера или захлебнется кровью вместе с безумцами, сказавшими «нет» тем, кто не знает такого слова...

– Мой сеньор, что с вами?

Звезды заволакивает дымом, губы солоны от крови, но ветер все еще рвет темное полотнище. Его не спустят, пока жив хоть один...

– Мой сеньор!

Что-то кисловатое и холодное смывает соль с губ, мгла рассеивается. Ночь давно прошла, над головой белесое, обжигающее небо, но кровью и пылью пахнет все равно. А знамя?! Где знамя и почему он лежит?

– Я ранен? Был штурм?

– Вы упали, мой сеньор. Ваш конь оступился и сломал ногу.

Он куда-то ехал? Невозможно! Крепость обложена так, что ласке не выскочить, но если он все же выбрался, почему за ним не гнались и где письмо?! Он вез письмо...

– Где письмо?

– Не знаю, мой сеньор. Я помогу вам сесть. Я смотрела, кости целы. У вас, не у коня.

– Но я должен ехать! Мне надо... – А куда он едет и почему так жарко? И так светло? – Где мы?!

– Возле Сургоса, мой сеньор. Вы ехали на праздник?

Сургос? Он слышал это слово или оно ему снилось? Конь покалечился, придется идти пешком хотя бы до Сургоса. Он не может здесь валяться, нужно идти... Нужно доставить письмо!

– Помогите мне!

– Сейчас, мой сеньор.

Девушка. Из простых... Босая... Проклятые круги перед глазами, никак не разглядеть лица. Все кружится...

– Они ушли? Где они?

– Кто? – Овальное пятно цвета слоновой кости обрамлено дымом, в дыму что-то краснеет. Кровь? Нет, это цветок в волосах, в черных волосах, но это неправильно... Неправильно все!

– Выпейте, вам будет легче!

Снова дешевое кислое вино пополам с водой. Бледное пятно превращается в лицо – юное и встревоженное. Дешевые серьги, спутанные кудри, перышко на шее.

– Ты хитана?

– Да, мой сеньор. Я шла на праздник, сегодня большой праздник... Сеньор искал письмо? Вот оно... Оно помялось!

Грязный надорванный лист, смазанная печать... Половина леопарда с крестом и надпись «...гаско». Что она значит? Что-то заливает глаза, но он не ранен, иначе б хитана измазалась в крови. К горлу подступает комок, звон в ушах становится нестерпимым.

– Ты умеешь читать?

– Нет, мой сеньор.

– Ты видишь, я открываю это письмо. Я прочту его вслух. Ты запомнишь?

– Я запомню.

Глава 5

1

Высоченный лохматый хитано протянул руки ладонями вперед, а потом неторопливо скрестил их на груди. Непонятный гость был выше и Лопе, и старших де Гуальдо, не говоря о самом Карлосе, смотревшем на появившегося из зарослей бородача снизу вверх.

– Мы пришли к вам, – спокойно сказал хитано.

– Вы? – не понял де Ригаско. – Зачем?

– Праздник, – холодно произнес гость, – слишком много женщин. Бесноватые хотят крови. Мы – мужчины, у нас есть навахи.

– Постойте! – сеньор Лихана отстранил потащившего из ножен шпагу Себастьяна. – Это Мигелито, вожак здешнего адуара. Хитано пришли еще при моем отце и остались... Мигелито, как ты узнал? Где Хенилья и его солдаты? Ты их видел?

– Солдаты в казармах. – Мигелито был немногословен. – Офицеры в таверне, за ними пошли. Антоньито пошел, а Хенилья в городе нет.

– Дьяволыщина! – Себастьян топнул ногой, словно желая пробить покрытый трещинами камень. – И куда этого ящера унесло?!

– Командор уехал, – повторил хитано, – он и десять солдат. Их видели, а ваш человек разбился. Лошадь упала, ее не поднять. Выбоина и неудачный день. Не нужно садиться в седло, не нужно брать нож...

– Он жив хотя бы? – Карлос с тревогой оглянулся на старшего из де Гуальдо.

– Конь упал по вине моего внука? – соизволил изречь патриарх. – Если это так, его стоимость будет возмещена.

Карлос провел рукой по лбу, переводя взгляд с лица на лицо. Маноло с Себастьяном, старик в допотопных одеждах, его до одури похожие сыновья и внуки, лохматый хитано, растерянный Хайме... Люди замерли среди рыжих, пронизанных солнцем стволов, словно сами стали деревьями.

– Леон де Гуальдо жив? – Время потеряно безвозвратно и глупо, а как просто было отправить двоих. Того же Хайме на Пильо, да что теперь за ветер хвататься, тем паче ветра-то как раз и нет.

– Гонец жив, – разжал губы хитано, – я оставил его с женщинами. Письмо повезли в город, но мы не стали ждать. Гонец сказал, вы идете от брода вдоль дороги. Нас три десятка. Все, кто шел в Сургос. Мы вели коней и шли танцевать, мы повернули.

– Спасибо, Мигелито.

Три десятка хитано с навахами и кнутахми, дюжины полторы горцев, столько же загонщиков со своими мулами... Вот тебе и полк, счастливчик де Ригаско, а крепости или хотя бы бастиона тебе не построили. Ты сам теперь крепость. Ты и эти люди, большинство которых видишь первый и, очень может быть, последний раз. По крайней мере, на этом свете.

– Сеньор Лихана, – уточнил де Ригаско, – я правильно понимаю, что хаммериане будут у монастыря раньше солдат, даже если офицеры гарнизона рискнут выступить, не дожидаясь командора?

– Капитан Бертильо рискнет. – Голос муэнца был не менее ровен, чем голос герцога. – Я его хорошо знаю. Бертильо ранили под Сан-Марио на моих глазах. После выздоровления его перевели в Сургос. Он не станет мешкать и пойдет галопом... Солдаты могут успеть, особенно если хаммериане... отвлекутся.

– То есть? – Себастьян опять теребит перчатки, дурацкая привычка. – По дороге же ничего нет, Тотор ведь не тронут? Уже не тронули.

– Дальше – адуар, сеньор Доблехо, – объяснил Лихана, – а еще гостиницы для паломников и лагерь тех, кому гостиницы не по карману. Грабить нечего, но хаммериане не грабят. Они, как бы это сказать... ересь искореняют.

– Мы знаем, – прорычал Альфорка, – видели!

– Прошу прощения.

Муэнец замолчал, и разговор оборвался. Вот так и бывает – трещина в камне, немного глупости, и все летит в тартарары. Гонец валялся без памяти, а хаммериане шли вперед, минуя место за местом, где можно было их придержать, отступив затем к следующей узости. Четыре задержки, и Хенилья бы успел. То есть не Хенилья, а какой-то капитан, воевавший вместе с Лиханой и получивший на старости лет теплое местечко. Только теплое вдруг стало горячим! Муэну защищает Пречистая Дева... В Муэне нечего бояться ни паломникам, ни хитано...

– «В Виорне больше не пляшут, а поет лишь та, что вечно косит...»

– Ты о чем? – Маноло не понял, а ты сам понимаешь?

– Ни о чем! – Лола избежала хаммерианских лап в Виорне, повезет ли девочке снова? Хитана сказала, что идет в город, ее не будет в адуаре. В праздник палатки стерегут старики да детишки... Ампаро там тоже нет, нет и твоей дочери или сына, а Иньиту Бласко давно увез. Два коня в один день ноги не сломают...

– Сеньоры, прошу подойти ближе. Нам следует обсудить наши действия.

Подожли. Встали. Дон Луис держится за эфес, Себастьян зачем-то задрал голову и сразу же опустил, Маноло морщит нос, сейчас чихнет, у Хайме горят глаза, хитано наклонил голову, старик де Гуальдо смотрит на детей и внуков, словно пересчитывает. Он привел всех или кто-то остался в замке? В странном замке, как сказал Лихана.

– У нас есть выбор. – На самом деле его нет, по крайней мере, нет у тебя и Мигелито. – Мы можем уйти, а можем задержать хаммериан своими силами. Сколько сможем, столько и задержим, а дальше... Господу виднее.

2

Проводника звали Хиронимо, но Матье Лабри звал его Жеромом. Онсиец терпел: пять сотен золотых – две у перевала, три у монастыря – свое дело сделали. Жером казался надежным, и все же Лабри предпочел бы подкупленному еретику собрата по вере. Увы, к югу от Сьерра-де-Онсас все тонуло в папистском⁸ мраке, что не мешало пособникам дьявола воевать, и воевать неплохо. Лабри досадливо дернул головой, та не замедлила откликнуться тупой болью, напоминая о старой ране и о том, что самая спокойная дорога может вести в ловушку. Если они до сих пор не встретили солдат, это не значит, что встречи не случится вообще, а проводник и его пока неведомый свояк не окажутся предателями.

– Жером, когда мы выберемся из этой ловушки?

Проводник оглядел похожие друг на друга и на столпившихся серо-зеленых ежей горы и неторопливо объявил:

– Через час, сеньор. Да вы сами увидите. Холмы на север сдадут, а нам – на восток.

– Ты уверен в своем родственнике?

– А куда он денется? – удивился онсиец и замолчал. Болтуном он не был, что не могло не радовать. Простучали копыта – подъехал граф Крапу и сообщил, что петляние по запутанным тропам ему порядком надоело.

⁸ Паписты – презрительное именование мундиалитов сторонниками реформаторских церквей.

– А вы, я вижу, рассчитывали на парад? – поморщился Лабри, глядя на украшенные тонкой вышивкой графские перчатки. Хорошо, не золото, но дойдет и до этого. Роскошь и похоть – оружие дьявольское, а девка Дорифо не просто хороша, как десяток суккубов. Шлюха умна, не даром она дочь проклятой ромульянки ⁹! Королева надела белый чепец, но рубашки у нее шелковые, а Луи падок на женщин. Слишком падок для достойного государя...

– Я рассчитывал и рассчитываю на успех, полковник. – Крапу и не подумал отвести взгляд. Любимчик короля очень быстро позабыл, кто превратил молодого Бутора из жениха Дианы Дорифо в повелителя Лоасса. Хочется верить, у самого Луи память длиннее.

– Господь нас не оставит. – Желание отхлестать наглеца по щекам было острым до мучительности, но Лабри в очередной раз сдержался. – Но раз вы проявили беспокойство, ведите колонну. Дорогу покажет Жером.

– Слушаюсь, полковник! – Почтительные слова и насмешка в глазах. Луи такой же. Маршал считает, это пройдет. Во время войны. Значит – да здравствует война, и смерть папистам!

Лабри придержал жеребца, пропуская колонну мимо себя. Солдаты шли рысью, в хорошем порядке, никто не отставал, ни у кого не захромала лошадь, все были должным образом вооружены и одеты. Братья по вере, не раз проливавшие за Господа свою и чужую кровь, они были готовы к тому, что предстояло. Ветеран пяти войн, воин до мозга костей, Лабри мог по праву гордиться своим отрядом, и он им гордился. Собой полковник тоже был доволен – подобрать людей для столь важного дела непросто, но он не ошибся ни в ком. Недельный марш через горы это подтвердил.

Нахлынувшее раздражение понемногу стихало, уступая место уверенности, что приказ маршала Танти будет выполнен с блеском. Нельзя позволять королю заключать мир с еретиками, нельзя оставлять молодежь без дела. Праздность для души человеческой страшнее вражеских армий и злее чумы. Не зря Господень Молот ¹⁰ называл безделье ржавчиной, разъедающей железо, и гнилью, подтачивающей стропила...

Сухие знакомые хлопки донеслись из-за очередного холма, за которым скрылся авангард. Привычные ко всему ветераны не поперли вперед и не заметались, как бараны, а замерли, ожидая приказа. Солдаты свое дело знали, как и офицеры. Капитан Пивоне обернулся и поднял руку, Лабри кивнул. Вооруженные лучшими виттскими аркебузами стрелки стремительно спешили и рассыпались по сторонам, беря на прицел ближайшие склоны. Остальные ждали, стискивая рукояти шпга и беспокойно оглядываясь.

Новый залп не заставил себя ждать, его слитность и мощь подсказывали – бьют свои, авангард. В ответ раздалось несколько разрозненных выстрелов. Лабри неторопливо поправил пороховницу, погладил коня и шагом направился в голову колонны. Пусть видят, что ничего особенного не произошло. Полдюжины стрелков в холмах – не повод махать руками и скакать галопом, но кто же все-таки стрелял? Гарнизонный дозор, кознями дьявола оказавшийся на дороге? Или, того хуже, засада? Задержали в этой узости и сейчас окружают колонну, чтобы обрушиться сверху? Если Крапу с его перчатками не озаботился проверить, ему будет очень невесело. Очень.

Крапу озаботился. Не успел полковник обогнуть предательский холм, как прискакал молодой Шетэ и доложил о том, что авангард обстрелян.

– Сколько их, Роже? – для порядка уточнил Лабри, заодно проверяя графа.

– Пять или шесть аркебуз и несколько арбалетов. Солдаты стали стрелять в ответ, а два десятка сейчас обходят засаду.

– Потери есть?

⁹ Аунциата Рисанатори, мать последнего короля из династии Дорифо и фактическая правительница Лоасса. Происходила из богатой и знатной ромульянской семьи. Была особо ненавистна хаммерианам.

¹⁰ Одно из именований Томаса Хаммера, употребляемое его последователями.

Сын покойного друга нахмурился:

– Убит один, и ранено двое. Господин полковник, мне очень жаль, но ранен проводник.

– Тяжело?

– Боюсь, да.

То, что вырвалось из уст полковника, вряд ли бы понравилось пастору, но тот отвечал всего лишь перед Господом, а Матье Лабри еще и перед маршалом. Малыш Шетэ потупился, словно был виноват. Матье потрепал его по плечу и, плюнув на осторожность, поскакал к авангарду.

Жером лежал на земле, рядом скрючился солдат, над которым хлопотал Дени Мясник, лет десять подменявший убитых или сбежавших врачей. Крапу и двое офицеров замерли возле мертвой лошади, вглядываясь в молчащие заросли. Громко, словно перед грозой, трещали цикады.

– Откуда стреляли? – осведомился Лабри. Крапу носил поганые перчатки, лез не в свое дело и слушал не маршала и мадам Иоанну, а Луи, но в том, что случилось, был неповинен.

– Оттуда. – Граф махнул рукой и поморщился, на колете расплылось темное пятно, которое могло означать лишь одно.

– Вы ранены?

– Царапина... Стрелки удрали, не дожидаясь, пока их окружают. С другой стороны холма их ждали лошади. Сержант Клеро нашел следы.

– Куда смотрел боковой дозор? Они вообще живы или нет?

– Неизвестно. Донесений от них не поступало. Я отправил на поиски Мату. Дал ему два десятка солдат и отправил...

Все верно, и держится молодцом, но от царапины таких пятен не будет.

– Покажите рану!

– Она перевязана, – запротестовал Крапу, – мне бы не хотелось вновь снимать и надевать колет. Клянусь честью, ничего страшного! Бок задело.

– Вам виднее. – Напросившийся в поход граф не так плох, как казалось, а от вышивок и оборок война отучит. – Что с проводником?

– Две пули. В плечо и в грудь. На ладонь ниже сердца... Я мало в этом разбираюсь, но...

Лабри разбирался лучше, но толку от этого было немного. Опыт подсказывал, что больше Жерому никого через горы водить не придется. Вздых Мясника лишь подтвердил неутешительный вывод.

– Час протянет, – объявил самозванный врач, бросая наземь что-то измазанное в крови и вырывая у стоящего рядом солдата кусок полотна, – ну да все там будем, а этому еще повезло! За святое дело прибили, так что спасется... Да не дергайся ты! Будешь подыхать, скажу...

Мясник колдовал над солдатским предплечьем, а проводник глядел вверх, на зависших над отрядом коршунов, и было их до странности много. Ничего, лошади да пары двуногих для начала хватит, а потом могут лететь к монастырю. Лабри перешагнул через еще живого Жерома и нагнулся над лежавшим чуть дальше мертвецом. Ему не почудилось – в шее покойника торчал арбалетный болт. Такой же швырнул в пыль Мясник.

– И здесь тоже. – Догадливый Роже тронул сапогом труп лошади. Бедная животина получила две пули и болт. – По проводнику били.

Нужно было надеть на онсийца плащ и колпак, ну да все мы задним умом крепки. Уповайте на Господа и готовьтесь к худшему, но болты... Два из трех – грубая деревенская работа. Ополченцы?

Вверху зашумело, раздались голоса и шаги, зашуршали осыпающиеся камешки.

– Господин полковник, вернулся Мату. Они встретили дозор, все целы.

– Вижу.

Ни убитых, ни раненых, но морды кислые. Боятся если не Господа, то полковника. И правильно боятся.

– Говорите. Быстро и самое главное.

– Парням не повезло, – закрыл грудью провинившихся Мату, – пришлось обходить склон... Я там был, по откосу в самом деле не пройти. Выстрелы раздались, когда дозор был по ту сторону гряды. Пока повернули, пока карабкались вверх, еретики успели уйти, но их удалось разглядеть. Это не военные.

– Там были местные, – вмешался командир разъезда, – и еще двое, в колетах и шляпах...

– А кони?

– Кони тоже разные. Спасением клянусь, не солдаты это.

Если не солдаты, то кто? Проводник говорил, в Альконье не охотятся. Контрабандисты? Но зачем им стрелять?

– Дени, проводник может говорить?

– А что ему сделается... Хуже не будет.

– Жером, кто в тебя стрелял?

– Коршуны. – Глаза раненого, не моргая, шарили по небу. – Сеньор... не бросайте меня здесь... За холмами бросьте! Где хотите... Только не здесь...

– Тобой займется твой свояк, – пообещал Лабри, – где его искать?

– Недалеко... Прямо... Этой тропой прямо до мелового холма. Начнется сухое русло... Сейчас сухое... Густаво там... Он выйдет сам... Деньги в поясе... Заберите, пока кровь течет! Отдайте...

– Лежи! – велел Лабри. – И молись, как можешь! Тебе повезло умереть за правое дело. Открой душу Господу, и будешь спасен. Мату, ты все понял?

– Да.

– Бери два десятка – и за проводником. Блуждать нам некогда.

– Пояс, – руки раненого шарили по окровавленной рубашке, – коршуны...

– Дени, возьми деньги, раз уж ему приспичило. Отдашь этому... Густаво. Крапу, до возвращения разъезда занимайте оборону на холмах по обе стороны от тропы. Не нравятся мне эти колеты.

3

Если б не многочисленные промоины, раздавшаяся вширь тропа могла бы претендовать на гордое звание дороги. Когда в горах шли дожди или таяли снега, здесь бесновался похожий на реку поток, но сейчас было сухо. К несчастью...

– Это самое узкое место. – В голосе дона Луиса послышались виноватые нотки. – Хотя оно все равно слишком широко.

– Искать другое некогда, – утешил муэнца Карлос, из-под руки разглядывая испятнанный валунами левый склон. Тот был крутым, верхом не подняться, и совершенно голым, если не считать вцепившегося в трещины плюща. Правый, более пологий, зарос кустарником, ближе к плоской вершине переходящим в жиденький лес. Камни были и здесь, на одном свивала кольца желтоголовица, в другой вцепился корнями доцветающий шиповник.

– Неплохие обломки, – вполголоса одобрил герцог, – если успеем скинуть, выйдет заграждение, хоть и дохлое.

– Лошади не пройдут, – согласился старик де Гуальдо, его потомки привычно промолчали, а хитано ограничился кивком. Хайме тоже промолчал, ему с лихвой хватило обещания Карлоса отправить великого стратега и еще более великого стрелка в Тудор с нарочным. Молодой человек не обиделся, было не до того, да и стрелял он хуже родича, а тот остался, поручив

дело Маноло. Альфорка с Доблехо и пятью загонщиками ускакали, Хайме проводил их взглядом и замолчал до лучших времен. Война начиналась не так весело, как хотелось. От неожиданности и несопоставимости сил было зябко, да и Пикаро было жаль до слез. Конечно, в трещину может угодить любой, но на чужой лошади это проще. Не забыть бы сказать де Гуальдо, что он конями не торгует и денег за Пикаро не возьмет.

– Хайме, проснись. – Теперь Карлос разглядывал кусты. – Кого-нибудь видишь?

– Нет. – Молодой человек честно уставился на пыльную зелень. – А что там?

– Люди, – разжал губы хитано, – у шиповника и выше, но бесноватые не заметят.

– Я тоже так думаю. – Лихана неспешно ослабил шейный платок. – Жаль, мы не встретили лесорубов, но раз так, займемся камнями. Катить их по такому крутому склону не так уж и сложно.

– Я приказал нарубить кольев, – сообщил Карлос, расстегивая камзол. – Не думал, что стану каменщиком... Хайме, а ты?

– Я тоже, – с готовностью откликнулся юноша, избавляясь от куртки и по примеру родича закатывая рукава. Камни не дадут «белолобым» с ходу проскочить засаду. Им придется или обходить заграждение по лесистому склону, или вести коней в поводу, или разгребать завал. В любом случае аркебузы и арбалеты скажут свое слово, ну а лоассцы? Вряд ли их испугает дюжина стрелков, они спешатся, атакуют засаду, и тогда дело найдется всем, кто может драться. Конечно, врагов больше, но какое-то время продержаться можно. Карлос оставил лошадей в лесу, в крайнем случае они отойдут по склону и поскачут навстречу Бертильо.

– Хайме, не вздумай снимать перчатки, без рук останешься. – Де Ригаско уверенно, словно только этим и занимался, всадил то, что недавно было молоденьким деревцем, под шершавую глыбу. – Сеньор Лихана, с дороги! Эта радость не для вашей спины!

Муэнец кивнул, лицо его стало грустным. Карлос навалился на рычаг, Хайме последовал его примеру. Камень закачался, сперва неохотно, потом все сильнее и, наконец, вывалился из гнезда и покатился по склону, подняв пыльное облако. Загрохотало, герцог по-крестьянски утер лоб, из-под ног шарахнулась лишившаяся крова ящерица. Сбоку друг за дружкой пронеслись четыре здоровенные глыбы – там орудовали де Гуальдо, словно родившиеся землекопами. Не отставали и хитано с загонщиками. Валуну один за другим покидали насиженные места, рвались плети плюща, скрипела на зубах пыль, вспухали на тропе серо-бурые волдыри, но Хайме было не до них. Юноша орудовал колом, изредка встряхивая головой, чтобы отбросить лезшие на глаза волосы. Вокруг и внизу скрежетало, хрустел и осыпался щебень, а солнце превратило голый склон в адскую печь.

– Какой обвал мы бы устроили в приличных горах! – Карлос вогнал кол в щель между двух похожих как близнецы камней, но расшатывать их не стал. – Ты жив?

– Жив, – поспешно подтвердил Хайме, с удивлением разглядывая дыру на перчатке, сквозь которую виднелся пузырь. Пришлось сунуть руку за спину, но родич смотрел вниз.

– Мало мы платим каменотесам, – заметил он, – надо больше... Мигелито, что такое?

– Кони. – Поворочав камни, хитано стал еще всклокоченней, чем был. – Уже близко. Немного.

– Альфорка... По крайней мере, хотелось бы верить. – Карлос с сомнением глянул на загроможденную тропу. – Нам бы еще час, ну да сколько будет. На ту сторону, живо!

Свист дозорного застал их на дороге среди обрушенных валунов, и Хайме сам не понял, как уселся на ближайший камень... Волдырь, о котором он забыл, заявил о себе в полный голос, к нему немедленно присоединилась спина. Пить хотелось зверски. Вот бы забиться в тень или, того лучше, прыгнуть в ледяную воду, опуститься на дно и там лежать, раскинув руки. Сейчас Хайме не испугали бы никакие омуты, но зеленое озеро было далеко, дальше Реваля, Доньидо, Витте...

– Воды! – хрипло потребовал знакомый голос. – Сейчас сдохну, но проводника у «белолобых» больше нет!

– Ты, – живо откликнулся Карлос, – или Себастьян?

– Похоже, мы оба... Дьявол и все его мухи, дайте флягу!

– Это вино, сеньор. Вино с водой...

– Лишь бы мокрое!

Хайме усилием воли разлепил глаза и увидел Альфорку, льющего в рот что-то красное. Рядом утирал лицо Доблехо и тяжело поводили боками кони.

– «Белолобые» не ждали, – Маноло передал флягу другу, – вот и сплеховали. Остановились, кинулись палить по кустам. Можно было еще дюжину прикончить, а не троих, но ты велел...

– Погоня есть? – Карлос, оказывается, тоже сел, а вот де Гуальдо стоят. Прямо дубы какие-то, а не люди!

– Нет. Кажется...

– Они же не знают, кто мы, – вступился за хаммериан Себастьян, – нас могло быть и много.

– Если их начальник – осторожный человек, он может отказаться от своей затеи, – встрял сеньор Лихана. – Тайный рейд, перестав быть тайным, становится очень опасным.

– Осторожный хаммерианин... – хмыкнул Доблехо. – Скорей отважную лягушку найдешь. Но без проводника они пойдут медленней.

– Ты уверен, что снял кого надо? – Карлос попытался стереть с лица пыль, но лишь размазал, превратившись в сущего хитано.

– Один он там был, бесколпачный. – Альфорка все же гордился успехом. – В голове колонны шел, сволочь! Если это не проводник, я – Томас Хаммер собственной персоной!

– Если Хаммер болтал столько, сколько ты, я его пастве не завидую. – Де Ригаско тяжело поднялся на ноги. – С проводником ли, без ли, они пойдут дальше. И пока они идут, нужно свалить все подходящие камни... Маноло, к тебе это не относится, твое дело – стрелять.

– Не только, – замотал головой Альфорка, – а по бесноватым я подыхать буду, не промажу.

4

Отряд вернулся быстрее, чем можно было надеяться, и привез проводника, невысокого живчика, в отличие от испутившего дух родича болтливого, как маркитантка. Мату, презрительно поджимая губы, доложил, что этот Густаво пришел на место давно, но, услышав выстрелы, затаился. Вылез онсиец лишь на условный свист, после чего принялся причитать, ахать и шмыгать носом, чем и занимался всю дорогу.

– Не следовало мне слушать Хиронимо, добрые сеньоры, – ныл Густаво, – ох, не следовало. Недаром мне коза в болиголове снилась... Не к добру это, а уж в праздник грешить хуже некуда! А покойника я не повезу, что хотите делайте, не повезу! И пальцем его не трону, где убили, пусть там и лежит... Нет у него никого, зачем везти?

– Замолчи, болван! – Крапу заткнул болтуна мгновением раньше, чем это сделал бы сам Лабри. – Иначе сам здесь останешься. С падальщиками.

– Нет, сеньоры! – Глаза Густаво стали круглыми, как у рыбы. – Я вас доведу, куда скажете доведу, но Хиронимо пусть здесь лежит... Хозяева взяли, так тому и быть! И день нынче худой, вернуться бы вам, пока солнце не зашло.

– Глупости. – Некоторые двуногие и впрямь сквернее скотов! – Жером оставил тебе свою долю. Хочешь ее получить – повезешь свояка до конца гряды. Не хочешь – твое дело.

Объяснять, что будет с Густаво, если он захочет сбежать, Лабри не считал нужным. Полковник вообще не имел обыкновения угрожать, обычно его понимали и так, особенно трусы. Онсиец понял.

– Я отведу, – закивал он, – до самой до обители... И Хиронимо возьму. Только потом на меня не пеняйте, я все как есть сказал... Плохой день, сеньоры, очень плохой!

– Для еретиков, – уточнил Крапу, деловито проверяя пистолеты, – не для святого дела.

– Хватит болтовни, – велел Лабри не столько онсийцу, сколько разговорившемуся графу, – что в гарнизоне?

– Ничего не знают. – Густаво для вящей убедительности замотал головой. – Ну совсем ничего! Я как уезжал, старших офицеров заприметил. Всех. Как раз к Толстому Пепе заходили. И хитаны туда же шли. Раньше ночи не закончат, святой Густаво свидетель... А как выйдут, так до казарм едва доберутся. Праздник же!

Праздник, в который напиваются и пляшут с грязными тварями, лишь оскорбляет Его Пречистую Матерь! В праздник следует блюсти чистоту или творить благое дело, но не метать же бисер перед папистской свиньей, к тому же продажной.

– Начальник гарнизона тоже в таверне?

– Долговязый Гонсало? Этот у себя сидит, прости Господи, как сыч какой... Куда ему в таверну, он, говорят, только воду лакает и еще молоко. Правду женщины говорят, не мужчина, а уж какой-то, только уши не желтые!

– Тогда кто в нас стрелял?

– Охотники, больше некому. – Густаво задрал голову и тут же опустил, отчего-то вздрогнув. – Только не наши, не муэнские. Здешные в Альконью не полезут, а вот чужаки... Видать, гранды. Из тех, чьи жены к Пречистой на праздник напросились. Известно, жена к Господу, муж – к нечистому... Заскучали, видать, вот и решили ноги лошадям побить. Сейчас небось к Сургосу несутся. Говорю же, день поганый!

– Тебя не спрашивают. – Лабри внимательно посмотрел на Крапу. Граф помахивал своими перчатками, и полковник готов был поклясться, что это нарочно. Дескать, мне все ясно, оттого и скучно, но я потерплю. – Господин Крапу! – Лабри смотрел не на руки, а в глаза, но щеголь прекратил свою игру. – Сколько времени нужно, чтобы охотники предупредили власти? Дозорные уверены, что раньше никто к колонне не подбирался.

Крапу наклонил голову и свел брови. Он не тянул с ответом, не пытался догадаться, а в самом деле подсчитывал. В столице граф погубит и душу, и тело, но на войне из него еще будет толк.

– До Сургоса часа полтора, а то и два, – медленно произнес королевский любимчик, не предполагая, что его положение в отряде стремительно меняется, – пока паписты разберутся, что к чему, пока поднимут кавалерию... Допустим, этот уж молочный и догадается, куда мы идем, ну и что? Нас ему не опередить!

– Вы правы. – Лабри впился в глаза собеседника, и тот опять не отвел взгляд. – Соберите офицеров. Всех и побыстрее.

– Да, полковник!

Пожалуй, не так уж и плохо, что на свадьбе Луи не отпустил графа от себя и к де Кьюмону пошли другие. Всевышний мудр, все, что ни делается, делается к лучшему. Де Кьюмон, как бы он ни владел шпагой, рано или поздно отправится в ад, зато Крапу еще послужит Господу в этом мире, а онсийцы, собравшиеся на свой шабаш, не убегут. Просто не успеют. За стенами ли монастыря, вне ли их, кара еретиков настигнет, и смерть их послужит благому делу. Луи оторвется от своей девки, а маршал Танти... Маршал займется тайными врагами и шпионами. К концу войны в Лоассе папистов не останется, а значит, будет мир – долгий, надежный, достойный.

Да, все должно получиться. Гарнизонная пехота до ночи не подойдет, а конница, если и появится, не страшна. Паписты строят не монастыри, а целые крепости. Отряд укроется за стенами, дождется темноты, а ночью вырвется и уйдет в горы, но проводника нужно переодеть и держать в глубине колонны, особенно когда дойдет до главного. Папист может не выдержать, работка-то предстоит не из веселых. На войне проще и честнее, но благое дело, не замарав рук, не сделать. Нельзя поднять из грязи сокровище и остаться чистым, но вина лежит на папистах. Это они осквернили веру, они лгали, блудили, извращали слово Божие, торговали во храме, возносили грешных и преследовали праведных.

Если Господь попустит, Матье Лабри еще увидит жизнь без роскоши, прелюбодеяний, бесовских игр. Без лживых монахов, тонущих в золоте щеголей, блудниц с голыми плечами. Король станет слугой Господа и братом подданных, а не сосудом дьявольским, как последний из Дорифо, вздумавший стрелять из аркебузы в добрых хаммериан... Гордыня не дала Филиппу и его подлой матери бежать, хотя их и предупредили. Старуха встретила маршала Танти и его людей на пороге своей часовни в королевском облачении... Жаль, герцог де Мэр оказался не столь нагл и предпочел бегство, а де Кьюмон умудрился вырваться, прикончив семерых. Одержимый, прежде чем выпрыгнуть из окна, написал на стене: «Бутор, я вернусь!» Кровью старшего Шетэ.

– Господин Лабри, – четко доложил Крапу, – офицеры здесь!

– Спасибо.

Пять человек, которым веришь как себе и больше, связанных с тобой в единое целое чужой и своей кровью, памятью, совестью, верой... С Мату и Шетэ ты отбивался и отбил от дюжины онсийцев, а вернувшись домой, вытащил из петли трясушуюся от ужаса девчонку, будущую мать Роже. Малыш сейчас здесь. Вместо отца! Гийом Пивоне, товарищ по полку, бывший папист... Брат воевал, а сестра попала на глаза принцу Авайскому и исчезла. Осенью Анну выловили из реки. Кюре отказался отпевать самоубийцу, Гийом отправил святошу к дьяволу и ушел в Виорн к другу. На королевской свадьбе Пивоне отдал все долги.

«Слабак» Люсьен, гнувший подковы и рвущий колодезные цепи... У Сан-Марио они со стариной Бустоном волокли «слабака» по кровавому песку, а он ругался и требовал, чтоб его бросили... Пятеро своих до мозга костей и Крапу, напросившийся с ними непонятно зачем, или все-таки понятно? Можно носить шелк и заглядываться на девок, но оставаться человеком и воином.

– Господа офицеры, – голос Лабри был еще суше, чем всегда, – мы знаем, на что и зачем идем. К сожалению, возникли определенные трудности. Нас заметили охотники, остановить их не удалось. Это значит одно – мы должны очистить монастырь и укрыться за стенами до того, как подойдут паписты. В сравнении с Сан-Марио – игрушки!

Глава 6

1

Все подходящие камни громоздились на тропе, но бастиона не вышло, да и не могло выйти. Полсотни человек с наскоро вырубленными кольями за пару часов, может, и перегородили бы горную расселину, но не эту ложбину. Одна радость, что растаскивать вручную валуны трудней, чем спихивать их вниз... Быстрее чем за полчаса прохода не проделать, даже самого узкого, но полчаса – это мало. Мало, черт побери! Нужны еще полтора, а лучше – два...

– Все-таки идут, одержимые. Не могут без крови!

Это заговорил загонщик. Костлявый, хмурый, с разными глазами. Кажется, Иньиго.

– Был сигнал? – Альфорка шурится, словно целясь. – Почему я не слышал?

- Я тоже не слышал, – высунулся из тени Доблехо, – показалось кому-то!
- Хозяева. – Загонщик поднял глаза к выгоревшему небу. – Много.
- Хозяева? – не понял Карлос. Небеса были пустыми – только слепящее белое солнце и дальние птицы.
- Коршуны, – пояснил дон Луис, – их так зовут в Альконье. Тех, у кого на крыльях багряные отметины.
- Тут и коршунов-то не разглядишь, – удивился Себастьян, – а уж крылья...
- Хозяева это, – отрезал загонщик, – провожают.
- Это так, сеньор, – Мигелито выхватил и подбросил нож, поймал, сунул за голенище, – простые коршуны одиноки. Мы идем вниз.
- Хорошо, – неважно, откуда у птиц кровавые пятна, лучше занять позиции раньше, чем опоздать, – только не выдайте себя раньше времени.
- Да, сеньор, – пообещал хитано. Солнечный луч скользнул по серебряному перышку на бронзовой шее. Странный знак, многим он стоил жизни...
- Мигелито...
- Сеньор?
- В твоём адуаре есть девушка, её зовут Лола. Сейчас она в Сургосе?
- Лола? – Черные глаза удивленно раскрылись. – Сеньор не ошибается?
- Ей лет шестнадцать. Невысокая, тоненькая, черные волосы... Для хитаны слишком короткие... Она бежала из Лоасса.
- Моя дочь. – Один из людей Мигелито, седой и сильный, шагнул вперед. – Сеньор знал мою дочь?
- Видел вчера... нет, уже позавчера, на дороге в обитель. Я купил у нее цветок. – И еще она приходила во сне, обещала оседлать коня, но он отказался, а утром принесло хаммериан. – Я сказал ей, что в Онсии нечего бояться. Вышло, что я солгал. Она в Сургосе или в адуаре?
- Лола мертва. – Голос седого тоже был мертвым. – Уже год... Бесноватые забили ее камнями, а потом остригли. На ее косах повесили ее мать и лоассца... Он был папистом, как сеньор. Я ковал коней в городе, вернулся и нашел всех. Я развел огонь... Большой огонь.
- Хайме!
- Да? – Мальчишка заболтался с Себастьяном, он не слышал разговора.
- Хайме, помнишь хитану на дороге?
- Еще бы! Ты променял цветок на кольцо.
- Красный цветок... Инес просила его бросить, а он сунул в карман. Что от него осталось? Неважно что, если это не бред, цветок найдется.
- Эта девушка была хитаной и назвалась Лолой. Что ж, не всякий назовет имя первому встречному.
- Хитана не возьмет имя мертвой. Имя – это тень жизни. – Отец Лолы покачал головой и легким шагом танцора пошел вниз, по склону. Стало тихо, в который раз за этот безумный день. Была Лола сном или нет, но полтысячи хаммериан существуют и с каждой минутой приближаются. Тут не ошибешься – солдат чувствует схватку, как жаба дождь.
- Дальний птичий крик, блеск ударившегося о пряжку Маноло солнца, и следом сдвоенный клетот... Сигнал!
- Вот теперь пришли. – Альфорка кривовато улыбнулся. – Постараюсь добыть тебе офицера. Того, на сером...
- Постарайся не лезть на рожон! – прикрикнул Карлос. – «Белолобых», убив вожака, не уймешь, да и вряд ли при них один офицер. Что ж, сеньоры, расходимся по местам и действуем сперва как решили, а потом по обстоятельствам. Хайме!
- Да, господин полковник!
- Пойдешь с сеньором Лиханой.

– Карлос, но...

– Ты пока еще не рубака. – Герцог взял родича за локоть и понизил голос: – Сеньор Лихана немолод и нездоров, я за него беспокоюсь. Мне бы хотелось, чтоб ты приглядел за стариком.

– Хорошо, Карлос. – Лицо Хайме прояснилось. – Я все сделаю.

– Я на тебя рассчитываю. – С Лиханой у тебя будет больше шансов уцелеть, но такое перед боем мальчишкам не говорят. – Удачи!

– Не забудьте про «Повелителя обжор», молодой человек. – Альфорка с хохотком ударил Хайме по плечу. – Карлос, мы тоже пошли. Открывающий бал не может опоздать.

– Удачи, черти б вас побрали! – Они ведь первый раз расстаются перед боем, но так надо. Маноло и Себастьяну место среди стрелков, а он после раны может бить только в упор.

– Я счастлив нашим знакомством. – Лихана старомодно поклонился. – Судьбе было угодно свести нас ради боя. Поверьте, драться рядом с де Ригаско для меня огромная честь.

– Я предпочел бы кабанью охоту, ну да какая есть. Хайме! – Горящие глаза, на щеке пятно, волосы дыбом... Пусть твой первый бой не станет последним! – Не забудь – с тебя ужин на нас всех!

– Не забуду!

Шаги, шорох веток, скрип гравия под ногами. Ушли... А шиповник цветет, и пчелы гудят, им все равно, и правильно. Жизнь не только грызня двуногих, но и бегущие облака, плющ, оплетающий камни, цветы, пчелы, птицы... Жизнь – это чудо, которое нужно защищать. Жаль, в Тудоре он сменил дорожную одежду на охотничью, а как хочется сунуть руку в карман и убедиться, что цветок, а значит, и странная девушка не были сном. И еще жаль, что он не догадался написать Инес, но кто же знал, что все обернется боем. Таким боем...

По щеке рябого загонщика скользнула тень – хозяин Альконьи проплыл над самой головой и скрылся за пронизанной светом кроной, а из-за поворота показались всадники. Человек восемь. Бодрая рысь, знаменитые колпаки, беспокойно вертящиеся головы, а позади – искрящаяся лента дороги. Пока пустая. На сколько корпусов отстает голова колонны? Десять, двадцать, сорок, полсотни? Сейчас передовые увидят баррикаду, поймут, что камни свалились не сами по себе. Заметили! Крайний слева в первом ряду вскинул руку, предупреждая своих, разъезд начал заворачивать коней. Не успели – залп из нижних кустов грянул раньше. Вскинулась раненая лошадь, шарахнулась вбок другая, повалились под копыта люди. Пять всадников, две лошади... Неплохое начало!

2

Лабри видел, как смешался и повернул назад, выходя из-под обстрела, передовой дозор, вернее, то, что от него осталось. Паписты били наверняка, как у Сальса, но, слава Господу, засада невелика, иначе б разъезд полег полностью, и не только разъезд.

Полковник в сердцах дал шпоры коню, оставив позади что-то кричащего графа, и понесся вперед. Хорошо, что колонну вел Мату. Старина никогда не подводил, не подвел и на этот раз – аркебузиры первого эскадрона уже спешили, чтобы развернуться в шеренгу... Лабри поравнялся с другом в тот миг, когда по предательским зарослям ударил мощный залп. Белое пороховое облако заволокло стрелков, посыпались ссеченные пулями ветки. Рывкнул еще с десяток аркебуз, эхо откликнулось низким ворчанием и нехотя стихло, но пропыленные кусты молчали – ни крика, ни ругани, ни ответных выстрелов. Онсийцы либо отошли вверх по склону, либо затаились, благо было где. Переплетенный отцветшим выюном и конским плющом торчевник мог укрыть хоть роту, счастье еще, что противоположный склон был крутым и голым. Камни, разумеется, сбросили оттуда и совсем недавно, только кто? Давешние охотники или все же солдаты?

– Неприятная неожиданность. – Догнавший Крапу вежливо улыбнулся. Он еще никогда не был столь близок к пощечине.

– Неожиданность?! – оскалился Мату. Старик был готов разорвать королевского любимчика раньше папистов. – В таких местах неожиданностей не бывает. Нас ждали, горы они синим пламенем!

– Проводник? – оживился Крапу. – Что ж, я вижу на склоне премилое дерево, оно ему пойдет!

– А я вижу дерево здесь, – рывкнул Мату, – говорящее! Мы не можем торчать у этой кучи, горы она...

Но куча гореть не собиралась, и обойти ее не представлялось возможным. Будь в запасе хотя бы полдня, следовало поискать другой путь, но удравшие охотники лишили Лабри свободы маневра. Выбор был предельно прост – отступить, сорвав планы маршала, или исполнить свой долг. Любой ценой. Густаво клялся, что эта гряда последняя. На равнине лошади пойдут кантером, на равнине не будет ни булыжников под ногами, ни засад...

– Господин полковник, – малыш Роже держал под уздцы гнедого, на шее которого повис мертвый сержант. В боку бедняги торчал знакомый болт, – посмотрите. Это охотники!

– Спасибо, Роже!

Итак, в торчевнике все те же посланные Сатаной еретики, то ли одержимые ненавистью к святому делу, то ли обуянные гордыней и излишней храбростью. В любом случае их не больше полутора дюжин. Даже меньше, ведь кто-то наверняка поскакал за подмогой.

– Дорога перекрыта баррикадой из камней. – Роже не уймется, пока не доложит до конца, даже если все ясно без доклада. Его отец был таким же. – Не слишком высокой, но перескочить не получится. Лошади ноги переломают, надо разбирать. Камни крупные, но растащить можно. За самой баррикадой никого не видно. Господин полковник, если охотники отступили к лесу, они работам не мешают, слишком далеко.

– А если они в кустах? – одернул юнца Лабри, но Крапу решил, что вопрос обращен к нему.

– Что ж, – изрек он, – значит, мы с ними покончим и двинемся дальше. Десяток папистов нас не остановит.

– Пока нас остановили камни, – уточнил Лабри, разглядывая графа в упор. – Возьмите полсотни человек и уберите их. Если вам станут мешать, отойдите на безопасное расстояние и предоставьте действовать Мату. Конечно, если вы опасаетесь за свои перчатки...

– Вижу, эта часть моего гардероба поразила вас в самое сердце. – Крапу со смешком сорвал злополучные перчатки и швырнул под ноги лошадям. – Во имя Господа и короля, я готов.

– Петух! – пробурчал Мату вслед удаляющемуся всаднику. – Навязался на нашу голову.

– Не суди собрата своего! – одернул друга Лабри. – Крапу не так плох, как мог бы быть. Зло не в нем, а в папистской девке.

– Не будь Бутор и его друзья одержимы бесом похоти, Диана бы ими не вертела. – Мату зло дернул повод, и серый Гру наступил на брошенные перчатки. – Им всем надлежит очиститься... Будь оно все проклято! Они тут!

Сумасшедшие охотники все еще были здесь. Они не собирались подпускать солдат к завалу ближе чем на выстрел. Упал, взмахнув руками, старина Бубу, схватился за живот Рыжий Пьер... Кому еще не повезло, было не разобрать. Что-то прокричал, размахивая руками, Крапу, его люди шарахнулись назад. Аркебузиры прикрытия и бесноватые паписты ударили почти одновременно, взмыл к небу и оборвался чей-то крик. Больше Лабри на дорогу не смотрел, вперив нехороший взгляд в предательский склон.

Рано или поздно еретиков ждет негасимый огонь, но сейчас не до них. Ловить в зарослях сумасшедших можно до ночи, а время не терпит. Остается загнать папистов наверх, откуда они не помешают разобрать баррикаду. Главное – время, время, а не месть!

– Мату! Твое дело – засада. Не ловить! Отбросить к лесу и не выпускать, пока Крапу возится с камнями. Скажи Бустону, чтоб прикрыл... Роже, Пивоне ко мне!

– Да, полковник!

– Господин полковник, господин Крапу снова ранен!

– Куда на этот раз?

– В плечо!..

– К Дени болвана! Клеро, заменишь, и чтоб проезд был чист!

3

Спешиваются. Идут по склону вверх. Полсотни, не больше! Для дюжины охотников хватит с избытком, но кто вам сказал, что нас дюжина? А впереди тот, с переправы, хозяин серой лошади... Не потерять бы его в дыму. Ничего, Маноло не потеряет и не промахнется! Погодите, «бичи Господни», дойдет до драки, и станет вам весело. Еще веселей, чем сейчас. Полчаса мы уже отбили и пока целы, а вот вы – нет! Десяток покойников, раненые, подбитые лошади и околевавшая тайна... Но главное – время! Время, которое нужно Хенилье.

Поднимаются, размазываются по склону... Еще бы, не переть же колонной по четыре в ряд. Подставили фланг? Молодцы! Вы подставили, те, кто пойдет по вашим следам, тем паче подставят, и как же они удивятся. Одно плохо: когда завяжется рукопашная, на баррикаду бросится целая орава. Таскать валуны нужно втроем-вчетвером...

Хватит ли Хенилье часа? То есть не Хенилье, а как же его... Он еще был под Сан-Марио... Те, кто видел белолобых убийц в деле, мешкать не станут, но мы предполагаем, а черти располагают. Можно спутать дорогу, нарваться на забившую мост отару или на праздничную толпу, а по дорогам ходят люди. Люди, которые попадутся бесноватым. Тот же адуар или запоздавшие паломники. Всех не предупредишь и не остановишь. Нет, час – это мало! Нужно добыть еще час, а «белолобые» бьют и бьют... Бедный торчевник, так ему еще не доставалось. Хаммериане стреляют, Альфорка молчит, он и не такое видел! Ну свистят над головой пули, не в первый раз... Когда налетчики подойдут вплотную, аркебузы заткнутся, чтобы не попасть в своих. Вот тогда стрелки и встанут. Последний выстрел придется в упор.

Крылатая тень на миг заслонила свет, неспешно поплыла дальше. Сколько же здесь коршунов! Неужели у них крылья и впрямь в крови? В небе птицы и солнце, внизу – солдаты и смерть, а здесь – ожидание. Последние его минуты... Пляшут по напряженным лицам прорвавшиеся сквозь листья лучи, алеет доцветающий шиповник, пахнет пылью и порохом. Знакомый запах, привычное дело, а хаммерианам остается тридцать шагов... двадцать... десять... Альфорка ждет, по своему обыкновению закусив губу, а рядом – Доблехо и горцы.

Карлос не видел друзей, он просто знал, что с ними. Он тоже ждал, вглядываясь в приближающийся строй, высчитывал расстояние, готовился к тому, без чего не обойтись, не загадывая о завтрашнем и не жалея о вчерашнем.

Солдат в нелепом колпаке заступил за невидимую черту, и заросли плюнули огнем. Пыльные ветки расцвели дымами, шедшие впереди белоколпачники налетели на невидимую стену, замахали руками и сбитыми кеглями повалились в разные стороны. Уцелевшие рванулись вперед, словно поднятые с лежки кабаны.

Треск, топот, рвутся плети плюща, распрямившиеся ветки хлещут чужаков, сапоги мнут срезанные листья, спотыкаются о камни, наступают на мертвецов. Просвистела стрела... Горцы с арбалетами умудряются стрелять и на бегу. Падает один бесноватый, хватается за плечо второй! Ну и отлично, чужие потери лишними не бывают, а вот и Маноло! Цел... Бежит послед-

ним! Ему всегда везло... Ни единой раны за семь лет. На ходу взмахнул рукой, – дескать, приступай, – и исчез в кустах. Закачались колючие ветви, заплясала у самого лица живая малиновая искра. Жаль, если ее погасит пуля!

Ждать дальше не было сил. Карлос поднялся, и вместе с ним поднялись слуги и шестеро загонщиков. А вот и цель! Широкоплечий малый ломится сквозь колючки. Вроде бы молодой. Кирасы нет, грубая куртка с распахнутым воротом, белый колпак, под колпаком – лицо... Маска мрачного азарта и уверенности. Маска смерти. Нужно было написать Инес, но кто же знал... Еще миг, и пуля бьет налетчика в грудь.

4

Первый ряд выбит залпом в упор, но тут уж ничего не поделаешь. Те, кто шел впереди, могли надеяться разве что на чудо, но Мату поклялся идти в середине... Только б старина сдержал слово, остаться без Мату – остаться без шпаги. Хуже, без руки!

Матье Лабри поймал взгляд Роже и неторопливо вытер платком трубу.

– Ты вернешься в Виорн настоящим солдатом.

– Да, господин полковник... Господин полковник, им нужна помощь?

– Не думаю.

Выстрелов больше не слышно. Дым медленно затягивает небо, пыль оседает еще медленней, темными тенями встают кусты, зло трясут ветками. Заросли скрыли живых, только мертвые остались лежать на иссохшем склоне... Четырнадцать солдат строем вошли в Господний рай, тридцать шесть продолжают бой. Хватит, чтоб загнать папистов в лес, будь они прокляты! Вывести из строя две дюжины человек, спутать все карты и безнаказанно уйти! Воистину, дьявол заботится о своих подручных!

Ветки больше не колыхались, и Лабри опустил трубу. Рядом шумно дышал Роже и переминался с ноги на ногу Бустон. Как просто драться, как трудно ждать. Матье положил руку на плечо старого товарища.

– Мату в порядке. Не в первый раз...

– Не в первый, – повторил Бустон. – Ты их отпускаешь? Этих...

– Господь их накажет! – Лабри вновь был полковником. – Рано или поздно, а мы должны сделать, что поручено! Роже, глянь, что у Клери. Как только разгребут, двинемся. И двинемся очень быстро.

Роже умчался к завалу, Бустон устался в кусты. Исполнять приказы и злиться проще, чем командовать боем, но замысел Танти дороже их отряда. Да что там, он дороже и армии, и короля! Поддаться гневу, покарать дюжину еретиков и при этом загубить великое дело, что может быть хуже? Есть вещи, которыми не поделишься даже с лучшими из друзей. Для них рейд на гнездо папистов – всего лишь ответ на вызов Рэмы.

Из кустов вывалился одинокий солдат, спотыкаясь побежал вниз. Упал, поднялся, шатаясь, сделал пару шагов, остановился.

– Смотри, – выдохнул Бустон, сжимая кулаки. – Дави Окорок!

Навстречу раненому побежали два аркебузира охранения, подхватили, поволокли вниз. В том, что солдат вышел из боя, нет ничего странного. Каждый бы так поступил. Каждый, но сегодняшним днем распоряжается Нечистый.

– Господин полковник, – прохрипел Дави, – их больше... Столько, сколько нас... Драка по всему склону... Местные и другие... Не солдаты, но дерутся, как дьяволы!

Еще одна промашка, не смертельная, но досадная. У стрелков оказалось прикрытие. Чего удивляться? Знатные еретики штаны без дюжины слуг не снимут! Конечно, солдат им не одолеть, но зачем сражаться на равных, если можно задавить числом?

– Бустон, бери еще полсотни и помоги Мату. Только не зарывайся! Мы выполняем приказ!!!

Промолчал, и на том спасибо. Когда-нибудь за бутылкой вина Мату с Бустоном узнают все, и пусть ворчат сколько душе угодно, старики всегда ворчат, но сейчас не до споров. Сейчас он, Матье Лабри, – руки маршала, и в них будущее Лоасса и будущее святого дела. Вот так, на пыльной дороге, и понимаешь, что ты избран и призван. Ты, а не твои друзья и не граф с его перчатками, будь он хоть сто раз приятелем Луи Бутора. Его величества Луи, который будет делать, что ему сказано!

Лабри поднял трубу. Вторая полусотня быстро взбиралась на холм. Люди заранее разбились на мелкие группы и растянулись, сейчас они навалятся на оставшихся противников, и все будет кончено. Двое-трое умелых бойцов на гуляку или слугу – это даже боем не назвать.

5

«Белолобый» выскочил вслепую из-за кустов. Один. Осталось чуть вытянуть левую руку, и виорнец сам насадил себя левым боком на кинжал. Повезло, но раз на раз не приходится... Получив по лапам, лоассцы старались атаковать вдвоем, а то и втроем, но минуты уходили кровью в песок... Их не вернуть, сколько б вас ни лезло наверх! Слышите, твари? Не вернуть!

Под ногами треснула сухая ветка, попятился, уклоняясь от шпаги, еще один бесноватый, заорал и исчез за спиной хромого горца. Карлос прыгнул в сторону, изогнулся, чужой клинок, не встретив отпора, беспомощно свистнул, понесся вниз, увлекая хозяйскую руку. Дальше Карлос не смотрел. Он крутился, отбивал и наносил удары, иногда попадал, но считать чужие раны было некогда. Сколько идет бой? Кто рядом? Что внизу? Что наверху? Лица, спины, листья, клинки, ветки мелькают, словно холм стал очумевшей каруселью. Крутится небо, бьет по глазам солнце, хлещут колючие плети... Одна оказалась стальной, но порез на ребрах еще не беда!

Навстречу летит кто-то огромный, разогнался, занес руку... Шагнуть навстречу, выставив шпагу, в последний момент вскинуть руки, словно в танце. Здоровяк рубит воздух, открывается... Удар, брызги крови на лице... Хорошо, что не в глаза! Просвет в бою, просвет в кустах, низкое гуденье – Лопе взялся за свой посох... «Белолобый» пробует подобраться со спины. Внезапный тычок назад как раз под горло, виорнец корчится на траве, двое его товарищей растерянно пятятся, уши режет пронзительный свист. Седой хитано... Отец Лолы! Хаммерианин разворачивается к новому врагу, его приятель остается один на один с Лопе. Делать здесь больше нечего.

Выстрел из пистолета. Кто-то сберег заряд или это хаммериане? Точно! Прут сквозь кусты. Подкрепление! Они послали подкрепление, значит, дорога еще не очищена.

Три лица сливаются в одно, пляска продолжается, кажется, опять задела, или это ветка? Вновь отец Лолы... Отвлекает одного из троих. Ложный выпад, прыжок, а ты не промах!.. Был! Звон клинков, белые от злости глаза, боль в бедре, открывшаяся грудь. Отправляйся в пекло!

– Сюда! Братья!.. Главный! Здесь главный!

Невысокий и юркий орет во всю мочь, не забывая защищаться. Заросли трещат – «белолобые» ломаются со всех сторон. Седой хитано с окровавленной навахой снова рядом. Судьба или он так решил? Пятеро, шестеро, семеро... С шипением вспарывает воздух дубина Лопе, течет по ноге кровь, сколько это длится? Двое шагают навстречу одновременно, из кустов вылетает Маноло. Выстрел... Белое полотно становится красным. Альфорка не промахнется!

– Кто тебя звал?! – Спина к спине, такое уже бывало... Четырежды.

– «Белолобые»... Я им за это... искренне... благодарен... Особенно этому...

Выпад, вопящий хаммерианин заваливается на спину, так и не закрыв рот. Рядом с отцом Лолы еще двое хитано, и откуда взялись? Четверо лоассцев, ошетиная шпагами, отходят в заросли. Можно утереть пот со лба, глубоко вздохнуть, оглядеться. И увидеть, как снизу лезут свежие солдаты. А камни на дороге все еще лежат, много камней...

– Иди, куда шел! Слышишь? Убирайся!

– Слышу. – Маноло торопливо заряжает пистолет. – Ты ранен...

– Без тебя знаю! Завал, Маноло... Твое дело – завал!

Глава 7

1

Первый удар пришелся мимо. С десяти шагов грохнул залп; «белолобые», преследуя стрелков, проскочили засаду, едва не отдавив ноги Хайме, и встретили Карлоса и хитано. Друзья сражались, а они всё ждали в кустах на краю прогалины – пожилой муэнский сеньор, оставшиеся загонщики и четверка людей де Гуальдо, вооруженных охотничьими рогатинами и похожими на короткие древние мечи кинжалами.

Схватка разгоралась, но Лихана с места не двигался. Только поглубже нахлобучил охотничью шляпу, беззвучно пошевелил тонкими губами и застыл, словно старая цапля на болоте. Вытащивший было клинок Хайме вздохнул и тихонько вложил его в ножны. Их время еще не пришло, это юноша понимал. Он стоял и смотрел сквозь резные ветки, как дерутся другие, а бой то катался по прогалине очумелым дикобразом, то втягивался в дальние заросли. И тогда оставались лишь хруст и вскрики, затем кто-то врывался на поляну, и следом за ним вываливались противники.

Хайме по-совиному вертел головой, пытаясь отыскать Карлоса. Солдаты орудовали шпагами и тесаками, между ними металась хитано со своими навахами, не уступавшими длиной иным шпагам. Мелькнул Лопе, сбил посохом двоих и исчез. Родича не было. Ну и что?! Всех не разглядеть, а Карлос жив! Конечно, жив, просто его закрывают кусты, а издали все так похоже... Хорошо, хаммериане носят колпаки, иначе не разберешь, кого бить.

– Фарабундо! – окликнул Лихана старшего из людей де Гуальдо, светловолосого и светлоглазого, словно житель Миттельрайха. Местного наречия Хайме не понимал, но Фарабундо быстро глянул на юношу и кивнул. О чем это они? О нем?! Горек что-то буркнул своим, те задрали головы, Хайме последовал их примеру, но увидел лишь коршунов.

– Вы что-то хотели спросить? – Муэнец был спокоен, словно собирался к поздней обедне.

– Я... Я хотел бы пригласить вас на обед... В честь моего вступления в полк. Будут все...

– Почту за честь, сеньор де Реваль.

Из кустов со свистом выскочила черная змея, полоснула по белым головам. Пара наседавших на раненого налетчиков мигом позабыла обо всем на свете. Раненый, лишившись противников, повалился в траву. Вожак хитано перескочил через упавшего и обрушился на «белолобого». Удар! Клинок вываливается из рассеченной руки! Удар! Окровавленные ладони пытаются прикрыть глаза. И последний удар – уже навахой.

Бесноватый, корчась, оседает у ног хитано. Мигелито на мгновение замирает и вдруг, не выпуская ни кнута, ни навахи, кидается на землю. Перекатывается, вскакивает и пропадает из виду.

Тяжело топая, на прогалину врываються трое запоздавших лоассцев. Не запоздавших! Это подкрепление! То самое подкрепление, которое они ждут, – Карлос рассчитал верно! Хаммериане заполняют пространство – суконные спины, грязно-белые головы...

- Любуетесь? – Альфорка. В одной рубахе, лицо в пятнах копоти, но вроде цел.
- Карлос жив?
- А что ему делается? Сеньор Лихана, мы на вас надеемся!
- Маноло!..

Но Альфорка уже исчез. Затопившие прогалину хаммериане штурмуют дальние заросли. Кусты за спиной их не волнуют, Карлос на это и рассчитывал!

– Спустимся немного, – велит Лихана, и они бегут вниз. Заросли становятся ниже, приходится пригибаться, перебегая от куста к кусту. Бой скользит навстречу, вверх и вбок, сквозь отдаляющиеся треск и звон проступают отрывистые команды и какое-то уханье – хаммериане расчищают дорогу. Белоголовые фигурки в клубах пыли суетятся среди валунов, по сторонам они не смотрят, зачем?

2

Клеро расчистил тропу больше чем наполовину, правда, не без потерь. Неподвижное тело темнело на освобожденном участке, а двое раненых ожидали Дени Мясника. Какой-то арбалетчик сторожил баррикаду до последнего. Аркебузиры несколько раз выстрелили по зарослям, и папист замолчал. То ли поднялся к своим, то ли поймал наконец пулю.

Матье Лабри отвернулся от суетящихся носильщиков и попытался рассмотреть, что творится на склоне. Увы, для этого холм был слишком заросшим, к тому же папистов оттеснили к вершине. Ясно было одно, бой и не думал кончаться. Мату с Бустоном будут разочарованы, они не привыкли выпускать добычу, но охотников придется оставить. Ничего, мельницы Господа рано или поздно размелют и это. Еретиков, пусть они трижды сдохнут в собственной постели, ждет ад!

– Странные здесь охотники, господин полковник. – Крапу неумело прижимал к груди перевязанную руку. – И птицы странные. Вы не находите?

– Птицы? – переспросил Лабри. – Не нахожу. Как ваши раны?

– Они унижительны. Мне придется вернуться и отдать долги. Самым трудным будет отыскать наших «друзей».

– Арбалетчика, всадившего в вас болт, вы вряд ли найдете, – заметил Лабри, прикидывая, не пора ли отзывать хотя бы Бустона. – Но хозяина вы отыщете без труда. Судя по всему, нас преследует вельможа из Доньидо. Он вряд ли станет молчать.

– Вы меня утешили. – Щеголь вновь потеснил солдата, но злиться на графа, как прежде, Лабри уже не мог. Он просто пожал плечами и повернулся к завалу. Словно для того, чтоб увидеть валящихся на землю людей и поднявшиеся над кустами дымки.

– Воскресенье Господне! – Крапу, позабыв о ране, погнал лошадь вперед. – Не может быть!

– Стоять! – рявкнул Лабри, посылая гнедого наперерез лезущему под пули болвану. – Жить надоело?!

– Господин Лабри!

– Вы не при дворе! – рявкнул полковник. Он отдал бы полжизни за право первым броситься на проклятых стрелков, но у него был отряд. И у него был приказ. – Отозвать Клеро! – Голос Лабри был холоден и бесцветен. – Аркебузирова на дорогу. Три залпа! Вымести эти кусты и сразу же прочесать. Крапу, вы хотели посчитаться со стрелками? Прошу. В вашем распоряжении тридцать человек. Гийом, бери еще полсотни. Поднимешься до того шиповника и ударишь еретиков с тыла. Видит Господь, они сами выбрали смерть, как до этого выбрали ересь.

3

Они подменили стрелков Альфорки под самым носом лоассцев, а те ничего не поняли! Стрелки отошли, чтоб вернуться, когда бой откатится вверх, Маноло, на бегу подмигнув Хайме, скрылся в кустах, и тут же перед юношей возник «белолобый» с тесаком. Первый настоящий враг в его жизни!

Солдат в нелепом колпаке шагнул вперед, занося руку, сверкнула чужая сталь. Хайме поднял шпагу, а дальше, дальше все получилось, как на тренировке? – ложный удар, ненужная защита... Сильной частью своего клинка Хайме отбросил чужой в сторону. Правый бок противника был открыт, а теперь – кинжал! Как легко вошло, будто бы и не в тело. Повезло, что лоассец был лишь с тесаком... Вообще повезло!

– Слева! – крикнул беловолосый горец. – Бесноватые!

Высокий человек с белой головой словно нехотя махнул клинком и пропал, его сменил солдат с изуродованным лицом. Почти старик... Первый же выпад ветерана едва не стал для Хайме последним, но юноша как-то увернулся. Они замерли друг против друга среди хрипящей свалки. Злые темные глаза завораживали, подхлестнутое нахлынувшим страхом сердце бешено колотилось. Хаммерианин был страшен и опытен, скольких он уже отправил на тот свет? Скольких еще отправит? Рука Хайме судорожно сжала эфес. Ветеран усмехнулся, показав неровные зубы. Юноша тряхнул волосами, отгоняя навалившуюся слабость, и очертя голову ринулся вперед. Хаммерианин рассмеялся и слегка шевельнул рукой. Раздался отвратительный хруст – горская рогатина вошла «белолобому» меж ребер... Хайме пролетел мимо упавшего врага, запнувшись обо что-то податливое и неживое, выскочил из зарослей и замер, сжимая клинки, не зная, что дальше.

Впереди, очень близко, лежала дорога. Пустая. Таскавшие камни «белолобые» отошли под прикрытие аркебузирова, а те торчали недобеленными столбами. Прицельно бить они не могли – мешали солнце в глаза и густая листва. Хайме завертел головой, соображая, куда бежать. Совсем рядом рухнул хаммерианин, покатился вниз по рыжему склону. Выскочивший следом за юношей Фарабундо поудобней перехватил ставшую красной рогатину, что-то крикнул. Хайме не понял, но бросился к горцу. Сверкнуло, отразась от клинка, солнце – наперерез мчался здоровенный лоассец. Юноша развернулся навстречу, но солдат пробежал мимо. Хайме обернулся – ниже по склону «белолобые» прижали кого-то к камням. Кажется, Лихану и одного из загонщиков. За спинами нападавших было не разобрать, но бегущего на подмогу лоассца Хайме остановил. «Белолобый» передернул плечами и замахнулся. Левша! Целит в голову! Юноша отпрыгнул, лоассец, уворачиваясь от кинжала, тоже. И налетел на Фарабундо.

Облизнув губы, Хайме глянул вниз. Лихана остался один, но его спину прикрывал камень. Муэнец сделал выпад, Хайме скрипнул зубами и обернулся на топот. Удар, чужая кровь на лице, полный ненависти взгляд и смерть. Тоже чужая.

Юноша перешагнул длинное тело, он опять был один. Слева трое горцев всюду орудовали рогатинами, справа упал загонщик, а Фарабундо сцепился сразу с двумя. Помочь? Хайме оглянулся на Лихану, в пыли и мелькании спин и рук ничего не было видно, но будь муэнец мертв, «белолобые» бы занялись живыми. Хайме тряхнул головой и бросился на помощь. Сзади кричат? Неважно! А вот и противник. Скрещенные клинки, удар, парирование... Он ответит, он знает, как отвечать! Тяжелая дубина ломает лоассцу руку, и тут же второй конец врезается в суконный лоб.

– Не дури! – рявкает загонщик. – Держимся вместе!.. А теперь – к сеньору!

4

Паписты не стали отступать, приняв бой в тех самых зарослях, откуда стреляли. Сошли с ума? Может, и так. Господь, решив наказать, лишает разума... Что ж, тем лучше, Гийом и Крапу пожмут друг другу руки на могиле еретиков. Возможно даже помирятся, но Гийому лучше бы поторопиться. Паписты огрызаются как звери, да они звери и есть. Упрямые, злобные, дикие... И это даже хорошо. Резать монахов и паломников – дело не солдат, а палачей, но муэнские охотники развязали слугам Господа руки. Онсийцы пролили кровь, да падет она на их головы!

Лабри опустил трубу, чтобы протереть уставшие глаза, а когда вновь поднял, понял, почему паписты не отступили. Сверху, от рощи, наперерез солдатам Гийома спешил новый отряд. Склон был довольно крут и усыпан валунами, но странные фигуры прыгали по камням, словно горные бараны. Что-то яростно сверкнуло раз, другой, третий... Лабри, не веря уставшим глазам, сунул трубу Роже.

– Посмотри, что там?

– Сейчас, господин полковник. – Шетэ-младший сжал окуляр, словно шпагу. – Мой полковник, они... Они в доспехах!

Значит, не показалось. Это солнце отражается от металла, что нацепили на себя прыгуны. И как же легко и быстро они двигаются!

– Надо же, доспехи, – буркнул Лабри, злясь на папистов и почему-то на себя. Крапу, будь он рядом, сказал бы что-то вроде «и чего только в этой глуши не встретишь!», но граф со своими ранами в бою, а Матье Лабри торчит на обочине.

– Господин полковник, – простонал Роже, – господин полковник, что же это?

Надо было прикрикнуть на забывшегося лейтенанта и отобрать трубу, но Лабри не крикнул и не отобрал. Своими дальнотзорными глазами он видел, как фигуры в доспехах врезаются в бок наступающим, как начинается резня. Солнце дробилось не только на шлемах и кирасах, но и на клинках. На длинных широких клинках, которых не видели на полях сражений уже лет сто.

Сейчас с этими мечами вышло семеро. Против полусотни, но каждый удар забирает по жизни. Адская семерка стальным клином шла вперед, выкашивая солдат, как пшеницу, а вокруг клубилась пыль и хмурой стеной вставали заросли. На склоне шел бой, и только Господь ведал, что там творится и сколько еретиков скрывает кровавый холм.

Глава 8

1

Отец Лолы упал – шпага лоассца пронзила седого хитано насквозь, Пепе и Берто исчезли, но Лопе все еще прикрывает спину... Бой не кончен, господа хаммериане! Вас никто не звал, и вы не пройдете. И не уйдете! Бертильо вас не выпустит. В память Сан-Марио, в память всех нас!

Выстрел пистолета свалил хромого загонщика, давно не видно Мигелито, но и бесноватым невесело. Нового подкрепления у них нет, значит, де Гуальдо дерутся. Достойные люди, жаль, он так и не заехал в замок. Два вечера слишком мало, разве что после... После боя или

после смерти? Ушедшие спина к спине узнают друг друга хоть в раю, хоть в преисподней, не могут не узнать!

Еще трое? Четверо? Берете в кольцо? Ну-ну...

– Лопе!.. Обернись! Лопе!!!

Упал. Лицом вниз. Мертв? Ранен? Не подойти, не узнать, только увести от тела этих, не дать добить... Если есть кого добивать!

– Вы... Дьявольское отродье, сюда! Хотели де Ригаско? Это я!

К дереву! Оно не упадет и не отступит. Только б не зацепиться за корень! Ринулись следом, а Лопе лежит, не шевелится. Ты почти неистовый Александр... Почти, потому что один с сотней справится только в песне... А как насчет четверых? Хруст, топот, странный звонкий крик... Птица? Вопль лоассца, белые от бешенства глаза, метнувшаяся наискось тень, удвоенный выпад.

– Убирайся к дьяволу!.. И ты тоже, каналья!

– Сеньор!.. Держитесь... Мы тут!

Горцы с дубинами.... Пробивают проход. Трое на трое, ты больше не Александр и опять жив! Кинжал застрял в груди «белолобого», не вытащить... Уцелевший лоассец отскакивает, уворачивается от дубин, мчится к своим.

– Сеньор, у вас кровь.

– Чужая... Надеюсь!

На другом конце поляны, в кустах орудуют двое местных. «Белолобые» опасаются лезть на рогадины... Слуги Господа, черти б их взяли! Так вниз или вверх? Лошади ждут за гребнем. Лошади, Иньита, жизнь...

Сколько их осталось? С дюжину, не больше. Люди падали один за другим... Более слабые погибли первыми, так было, так будет. Неплохая охота, шли на зверя, а наравались на хаммериан. Нужно пробиться к загонщикам, а дальше? Лошади готовы, а к де Гуальдо все равно не прорваться. И к Маноло с Себастьяном... Хайме с Лиханой тоже внизу. Еще дерутся или уже мертвы? Им не вырваться, но те, кто здесь? Хитано, уцелевшие охотники, стоящий на коленях Пабло... Их еще можно вывести. Это не бегство! Они вернутся вместе с солдатами и разорвут «белолобых» на куски. Сегодня же вернутся!

Свист бича, щелчок, похожий на выстрел, низкий яростный вой. Мигелито жив и лупит наотмашь. По глазам, рукам, шеям, рассекая кожу, разрывая мышцы, валя с ног. Лоассец с кинжалом отшатывается, чтобы нарваться на шпагу. Отправляйся в ад!

– Сеньор...

– Что на дороге?! Ты видел?

– Камни...

Баррикада еще не разобрана! Альфорка оставит «белолобых» в покое лишь мертвым. Значит, нужно идти вниз. Вниз, к де Гуальдо, Маноло, Лихане. Покончить с этими и идти...

2

В первый раз за свои сорок шесть лет Матье Лабри мог лишь молиться. Он не мог ото-звать Мату, Бустона, Гийома, Крапу, потому что сбесившиеся паписты вцепились в завал, как дьявол в грешную душу. Не перерезав этих сумасшедших, дорогу не расчистишь, а в обход идти поздно. Нельзя было и встать плечом к плечу с товарищами, так как полковник отвечал перед маршалом и Господом за проклятый монастырь, до которого еще нужно было добраться. Оставалось сжимать кулаки и шептать святые слова, готовые оборваться богохульством, потому что еретики убивали. Без жалости, без смысла, не щадя себя.

Дрались по всему склону. Того, что творилось в верхних зарослях, было не разобрать, просто из желто-зеленой стены проступали и вновь исчезали смутные силуэты, да ползли

поодиночке вниз выбравшиеся из ада раненные. Те, кто мог ползти. Роже пытался их расспрашивать, но солдаты мало что знали. Папистов оказалось больше, чем думалось поначалу. Рядом с охотниками дерутся нечестивцы из адуара. Бустона не видели. Мату четверть часа назад был жив, а Гийома Лабри раз за разом замечал в гуще схватки. Великан не струсил перед бронированными монстрами. Он делал что мог, стягивая вокруг безликих сверкающих фигур живое кольцо. Лабри отдал бы все на свете, чтобы встать рядом со старым другом, но его место было здесь.

Только теперь полковник понял, что выпало маршалу Танти у Сальса и Сан-Марио. Посылать в бой товарищей. Тех, кого ты знаешь в лицо и по именам, и ждать, зная, что вернутся не все. Это страшнейшее из испытаний, ниспосланных Господом, горшей муки нет и в аду!

А может, все-таки рискнуть? Господь не допустит его смерти, ведь от него зависит исход всего дела! Обойти заросли слева, отправить Гийома вниз, собрать растерявшихся... Нечестивцев надо разделить. Пока они вместе, они непобедимы, но стоит повалить хоть одного, и железный строй будет сломан. Останется разметать еретиков в разные стороны и добивать поодиночке. Если броситься закованному в железо убийце в ноги и опрокинуть, он не поднимется!

– Роже!

– Мой полковник?

– Я... Дай флягу.

Гийом не глупей тебя, на голову выше и вдвое сильнее. Смирись и делай, что должно. Это гордыня толкает под руку и шепчет, что ты справишься лучше. Не слушай! Верь Гийому, верь своим солдатам, ты их подбирал по одному, ты знаешь их не первый год, они не подведут.

– Упал! Мой полковник, один упал!..

Так и есть, хвала Господу! Сверкающая фигура рухнула в пыль, подняться ей не дали, навалились, сели верхом, мелькнула занесенная для последнего удара рука... В железном строю образовалась брешь, ее не успели закрыть! Сатанинский меч треснул и развалился на два осколка, между которыми набивались все новые и новые солдаты. Вновь мелькнул Гийом. Старина и без лат и шлема не уступал папистам ни в росте, ни в силе!

Матье Лабри шумно выдохнул воздух. Это малыш Роже может кричать и размахивать пистолетом, но какие же молодцы! Как быстро перегруппировались и окружили бронированные тройки со всех сторон. Проклятых еретиков не спасут ни доспехи, ни тяжелые мечи!

3

Они вместе! Между молотом и наковальней, но вместе, а хаммериане все еще топчутся у завала. Солдаты не опоздают, просто не смогут опоздать. Главное сделано, теперь собратся в кулак и вырваться, обманув еще и смерть. Сколько минут они уже отыграли? Сколько жизней?

Карлос де Ригаско попробовал шевельнуть плечом, едва не взвыл от боли и обернулся, выискивая Доблехо или Мигелито. Как раз вовремя, чтобы встретить двоих «белолобых» лицом к лицу. Некстати, но уж как есть, а поодиночке твари не нападают... Даже на раненых... Тот, что впереди, отвлекает внимание, второй пытается зайти слева. Кружат вокруг, берегут шкуру. Опытные ребята, но не мастера клинка. Утром в пять минут стали б покойниками, час назад и то было бы проще. Дьявол бы побрал великана со шпагой, хотя он его и побрал... А вот рука висит как плеть...

Выстрел за спиной. Предсмертный крик? Неужели Лихана? Как же жаль! Бросок слева... Нашел время, сволочь! Звон клинков, «белолобый» отскакивает. Недалеко, чувствует кровь... Не отстанет, значит, нужно убить.

Длинная тень рассекает прогалину. Охотник вопреку мчится вперед, два длинных кинжала словно клыки. Наперерез кидаются трое, горец падает наземь, перекачивается, вскакивает, вспарывает налетчику брюхо и исчезает из виду. Из ниоткуда возникает Доблехо с залитым кровью лицом. Жив! А вот двое «белолобых» – нет! Кто сказал, что нельзя бить в спину? Сейчас можно все...

– Где Маноло? Хайме?

– Маноло был жив.

Был...

– Что с тобой?

– Плечо. И спина... Собирай всех... Уводи... Через гребень...

– Давай... Ты...

– Убирайся!

Доблехо кивнул, резко повернулся, бросился к камням, за которыми кипела свалка. Просвистел кинжал, оцарапал шею. Этого еще не хватало! А вот и хозяин кинжала, невысокий, юркий... Уж лучше бы великан! Хаммерианин приближается, заходит от солнца – черный, окруженный сиянием силуэт... И второй, тяжелее, шире, с дубиной. Свой. Из людей де Гуальдо. На него кидаются толпой, не давая размахнуться. Помощи не будет, но шпага у тебя в руках, жаль, что за спиной всего лишь шиповник.

– Подлый папист! – Не крик – визг, дикие глаза, перекошенная морда. – Умри!

– После тебя! – Откачнуться в сторону, пропустить разогнавшееся тело, вогнать шпагу в спину... Как просто... Как медленно он падает! А коршуны все кружат и кружат.

– Сеньор, давайте вверх! – Мигелито, нашелся... Какой он все-таки огромный! – Сеньор...

Птицы в пронизанном светом небе. Алые пятна на черных крыльях... Лихана рассказывал... Или де Гуальдо? Оба мертвы, а земля стремительно уходит из-под ног. Склон, заросли, лента дороги – все словно в тумане... Какой высокий холм. Как много пыли, ничего не разобрать.

– Мой сеньор!..

– Выведи Хайме!.. Он где-то здесь!

Земля стремительно отдаляется, но мечущиеся фигуры обретают четкость. Проклятье, как же больно глазам!

– Я оседлала коня...

Белесый склон, сухие, мертвые травы, камни и трупы... Как много... На ногах только двое де Гуальдо, они в плотном кольце, но бой еще идет. Длинный меч поднимается и сносит голову в белом колпаке. Голова падает на грудь другого покойника. Сверкающая фигура вновь заносит клинок... Пистолетная вспышка, шарик дыма... Может, доспехи и выдержали, но человека шатнуло назад, он споткнулся о чей-то труп и упал, оставив родича с неприкрытой спиной. Одного.

– У твоего сына будут твои глаза.

Дорога... Почему она так близко? Где де Гуальдо и мертвецы? Маноло?! Откуда?..

Альфорка, шатаясь, поднимает пистолет... Целится в кого-то высокого у обочины. Меж стрелком и целью бросается темноволосый мальчишка. Падает в пыль. Падает и Маноло. Сердце стрелка остановилось до выстрела, но он все же нажал на спуск.

Свет и лицо Лолы. Алый цветок у виска, мертвый Маноло, запекшаяся рана, слипшиеся от крови волосы, малиновый шиповник над головой, солнечный свет, тени и дорога. Она уходит все дальше вниз, становится лентой, перетянутой жгутом веной, тонкой серой нитью, сливается с бурым холмистым морем.

– У твоего сына будут твои глаза...

Глава 9

1

Знакомая фигура мелькнула в гуще вспыхнувшей с новой силой схватки. Хайме застыл, веря и не веря глазам. Карлос?! Назло «белолобым», набившимся между отрядами де Ригаско и Лиханы? Юноша вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Сомнений не осталось. Карлос в окровавленной рубашке, шатаясь, отступал к кустам, потом его загородила высокая фигура... Мигелито! Взметнулся бич, на подмогу хитано бросился горец... Фарабундо. Ему наперерез ринулась чуть ли не целая толпа. «Белолобые» загородили и Карлоса, и хитано, но юноша успел заметить, как упал один лоассец, как схватился за голову другой, и тут что-то полоснуло по бедру. От неожиданности Хайме пошатнулся и торопливо огляделся – рубанувший его на бегу «белолобый» был уже в нескольких шагах, спешил присоединиться к большой свалке.

Любоваться первой раной пришлось недолго – хаммериане чуяли кровь не хуже гиен. Хайме оперся на здоровую ногу, готовясь огрызаться до последнего. Штанина набухла кровью, но больно не было. Подоспевшие налетчики переглянулись и засмеялись. Их было двое, и они все еще смеялись, когда свистнувшая рогатина вонзилась в живот тому, кто был ближе. «Белолобый» с бычьим мычаньем свалился под ноги товарищу, сбив того с ног. Юноша шагнул, достав упавшего клинком. Нога действовала, а за плечом был друг.

Охотник, метнувший рогатину, словно копье, сморщился и рванул древко – массивный наконечник с чавканьем вырвался из живого тела. Хайме схватился за горло.

– Идти сможешь?

– Да... Там у шиповника... Надо посмотреть!

– Нет.

– Там Карлос!

– Нет.

Передышка кончилась: хаммериане не собирались упускать добычу. Вместе с охотниками и хитано Хайме отступал к роще, а «белолобые» шли следом. Они падали, но меньше их не становилось. Фигуры в белых колпаках казались одинаковыми и отвратительными, словно в кошмаре. Они были всюду: появлялись, лезли на шпаги и рогатины и сами кололи и рубили, сливаясь в живое безликое нечто, от которого не оторваться.

На траву упала призрачная сетка. Тень... Прогалина кончилась, уступив место зарослям. Тут не пофехтуешь и не попрыгаешь. Хайме торопливо сунул шпагу в ножны и выхватил второй кинжал.

Стало прохладнее. Под ногу угодил узловатый корень, резкая боль напомнила о ране, но кровь вроде остановилась. Странно, бедро болело меньше, чем плечи. Сбоку затрещало – «белолобые» перли напролом. Охотник, оттолкнув Хайме, выставил рогатину, ее лезвие было красно-бурым. Первый из хаммериан отшатнулся и зацепился за низко торчащую ветку. Горец не мешкал – предназначенное для кабана широкое отточенное перо с легкостью вошло неудачнику под челюсть.

– Бежим! Быстрее!

Они вывалились на очередную прогалину, почти налетев на троих дерущихся хитано, и Хайме едва не взвыл, узнав Мигелито. Карлоса рядом не было, его не было нигде!

– Где он, Мигелито?! – Юноша заорал прежде, чем понял, что творит. – Где Карлос?!

Рука хитано слегка дрогнула. Этого хватило – стремительный рубящий удар, и от кнута осталась половина. Мигелито отшвырнул кнотовище, перебросив в правую руку наваху, но против двух шпаг...

Хайме ринулся вперед. Сверкнула сталь, один из хитано закрыл жожака грудью. Высвободить клинок убийца не успел: Хайме, не удержав разбега, врезался в «белолобого», сбил с ног и рухнул рядом. Захотелось прижаться щекой к траве и остаться лежать, но юноша вскочил, а солдат – нет. Наваха оказалась быстрее. Уцелевший лоассец торопливо отшатнулся, давая дорогу, и все стихло. В который раз за этот бесконечный день.

– Ранен?

– Нет...

Где Карлос? Он же был с Мигелито там, внизу! Неужели почудилось? Шаг влево. Туда, где сквозь просвет в зарослях виднеется склон. Камни, куст шиповника и тела, но чьи? Далеко, не разобрать. Фарабундо яростно машет, нужно идти, но отвести взгляд нет сил. Что-то прошуршало, краем глаза Хайме уловил холодный блеск. Уклоняться было поздно – боль, резкая, настоящая, страшная, обожгла бок. Выплывший из тумана хаммерианин занес кинжал, но Хайме как-то увернулся. Сверкнула шпага, юноша парировал и ее, следующий удар пришелся в руку, выбив оружие из враз онемевших пальцев, и тут же на голову, ослепляя, обрушилось солнце вместе с сухим горячим небом.

Он еще пытался, бестолково отмахиваясь кинжалом, ничего толком не видя и не соображая. Потом раздалось отвратительное хаканье и хрип. Земля понеслась навстречу, но упасть Хайме не удалось. Кто-то безжалостно подхватил обмякшее тело под руки и поволок вверх по склону...

2

Схватка, по сути, закончена, путь свободен. Люди Клеро, не таясь, растаскивают валуны, а проклятые заросли молчат. Безумец, застреливший Роже, был последним. Если б не он, на обочине лежал бы полковник Лабри, но Господь не допустил его смерти. Теперь малыш расскажет отцу и о том, что осенью начнется война, и о своем подвиге. Старик будет горд за сына, и никто его не посмеет за это упрекнуть. Даже ангелы.

– Сержант!

– Господин полковник!

– Пошлите на холм. Пусть бросают, кого не добились, и возвращаются.

– Слушаюсь!

Чуть промедлил, совсем немного, и ушел. Вояку можно понять. Уйти, не отомстив, не швырнув последнего паписта стервятникам, не похоронив своих, это испытание. Страшное испытание, но его нужно пройти, слишком высоки ставки и слишком много времени потеряно. Теперь боя в монастыре не миновать. Ночного боя в окружении, и как же будет не хватать Гийома. Почему его забрали именно сейчас? Почему, Господи, ведь он нужен здесь! Он служил тебе всей душой. Или это знак прощения? Капитан Пивоне искупил папистскую юность и теперь чист.

– Господин Лабри, я не понимаю!

– Вам это и не обязательно.

– Полчаса, нам нужно еще полчаса!

– У нас нет ни минуты.

– Именем короля! – Глаза Крапу становятся бешеными, как у того ублюдка с пистолетом. – Я приказываю!

– Именем Господа и по приказу маршала. – Пальцы Лабри уверенно ложатся на костяную рукоять. – Еще слово, и я вас расстреляю за неподчинение.

- Вы не можете их отпустить!
- Я исполняю приказ.
- Но они уйдут... Не меньше двадцати человек!
- Неважно.

Мату и Бустон живы, а Гийом погиб. Нелепо, несправедливо, не вовремя. Удар шпагой, и нет друга, а убийца, возможно, уходит безнаказанным. У Крапу в полку друзей не было.

- Вам дали тридцать человек. Сколькими вы располагаете теперь?
- В строю – девятнадцать.

Все-таки посчитал. Неплохо для первого боя, но потери чудовищны, и только Господь знает, сколько осталось от прочих отрядов. Поход уже обошелся недешево, а ведь они даже не начали.

- Господин полковник, что будет с ранеными и убитыми?
- Те, кто ранен тяжело, останутся ждать, остальные догонят колонну. Вы можете выбирать.
- Я иду!

Хороший признак. К концу войны Крапу станет полковником. Если научится подчиняться и уцелеет.

- Останетесь со мной. Что-то еще?
- Я спрашивал об убитых.
- Погибшие за святое дело будут спасены.
- Но, может быть, лейтенант Шетэ...

Лейтенант Лабри тоже спорил с полковником Танти, потом понял. Поймет и граф или так и останется другом короля в шитых перчатках.

- Господин полковник! – На щеке Клеро красовалась ссадина, и он не говорил, а хрипел. – Проход расчищен, но проезжать нужно по одному.
- Хорошо.

Вот теперь уже точно все. Ждать нечего, нужно трогаться, оставив малыша Роже на дороге. Хоронить некогда, нести с собой мертвых... всех мертвых – невозможно. Бедная Берта, в один год потерять мужа и сына, а граф дожидается ответа. Настырности ему не занимать, Гийом тоже был настырным.

- Господин Крапу, павшие во славу Господа в Его глазах равны. Да будут они равны и в бренном мире. Потрудитесь передать приказ сигнальщику. «К выступлению!»

3

Это был чужой язык, звонкий и непонятный. Не лоасская каша и не тяжелый говор Миттельрайха. Кто-то раздраженно и хрипло приказывал, кто-то, задыхаясь, отвечал. Разглядеть говоривших Хайме не мог – глаза заливала кровь. Юноша понимал, что его куда-то тащат. Так было нужно, ведь сам он идти не мог. Наверное, он упал с коня... Точно! Пикаро провалился в трещину и сломал ногу, а он разбился, и его подобрала хитано. Это они его несут и говорят на своем языке, которого сам дьявол не разберет...

Вновь что-то приказал старший. Хайме его знал, но имени было не вспомнить. Вокруг что-то шуршало и трещало, наверное, осыпались камешки, дыхание хитано становилось чаще и громче, потом один споткнулся и едва не упал, по боку наискось словно хлестанули раскаленной цепью, и все исчезло, даже боль.

Из темной ямы Хайме вызволил отдаленный зов трубы. Голова гудела, глаза не открывались, но главное он вспомнил. С Пикаро упал молодой де Гуальдо, а его ранили. Был бой с «белолобыми», они прорывались к вершине...

- Где Карлос? – выкрикнул Хайме. – И сеньор Лихана?

– Их нет. – Кто бы его ни тащил, он говорит по-онсийски. – Молчи.

Их нет. Нет в живых или нет здесь? Хайме пытался сосредоточиться, но ничего не получалось. Мешанина из лиц, звона, бликов и боли кружилась каруселью, дразня и ускользая. Вежливо улыбался дон Луис, заряжал пистолет Альфорка, малиновым огоньком горел шиповник, что-то приказывал Карлос, и сужали круги черные птицы...

– Все. Они не гонятся. Положи его и сотри кровь, а то засохнет.

– Воды бы!..

– В седельных сумках будет.

– До них еще идти и идти.

– Здесь вино с водой.

Что-то касается лба, щеки, глаз. Боли нет, значит, рана не в лицо. Глаза открываются, но вокруг туман. Ничего не разобрать.

– Где мы?

– На холме. – Из тумана вырастает хмурое лицо. Светлые волосы, светлые глаза, на лбу капельки пота. – Бесноватые отстали....

Фарабундо... Этого горца зовут Фарабундо, и он даже не ранен.

– Фарабундо, кто здесь?

– Мы, кто живы...

– А остальные?

– На все Божья воля. Глядишь, и отыщутся.

Пожилой охотник с рассеченной бровью, круглолицый хитано, почти ровесник, в залитой кровью рубахе, Фарабундо, его приятель и огромный Мигелито. Дальше не разглядеть.

– Сеньор Карлос погиб, – отчетливо произносит вожак, – сеньор Лихана тоже. Лучше знать, чем надеяться.

Это правда. Наверное... Карлос умер, Инья стала вдовой, а труба вновь приказывает и зовет. Чужая труба – в Онсии другие сигналы. Хитано поднимается во весь рост, смотрит вдаль, приложив к глазам руку. Фарабундо встает рядом, у его ног что-то темнеет... Мертвый коршун. Неужели они умирают в небе?

– Двинулись, будь они прокляты, – шепчет горец, – по одному. А мы здесь!

– Что там? – Он не потеряет сознание, прежде чем поймет, что творится внизу. Не потеряет! – Во имя Пречистой, что на дороге?

– Бесноватые пошли дальше. – Черная птица у черных сапог, красные пятна на блестящих перьях. Это еще правда или уже бред? – Бросили своих мертвых и идут убивать...

Часть вторая Папский голубь

Доньидо

1587 год

Глава 1

1

Прохлада после раскаленных улиц и тишина, благословенная тишина, озерными водами смывающая головную боль. Есть вещи, с которыми можно жить, но привыкнуть к ним невозможно. Человек силен, он заставляет тело работать, и человек слаб, так как не может не слышать боль.

– Как ты себя чувствуешь?

Лучше, чем могло быть, и хуже, чем скоро будет, но зачем это знать другим и тем более Инье?

– Все в порядке, не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, – словно бы извинилась Инес, – разве только чуть-чуть. Хайме, ты так редко приходишь...

В этом доме на площади Аурелио он по-прежнему Хайме. Это единственное место в мире, где звучит голос прошлого. Тут живет сестра и до недавнего времени жил племянник. Карлос-младший мечтал пойти по следам отца, и Инес его отпустила. Решила, что погибший муж хотел бы именно этого. Теперь племянник в Сальса, а Инес улыбается.

– У тебя есть время?

Есть улыбки-плачи, только не всякий их разгадает. О чем думает вдова одинокими ночами? Инья могла бы жить с родителями или в Ригаско, но затворилась в столичном особняке. Этого Хайме не понимал. Замуж Инья не собиралась, дворцовых интриг не любила, бывая в Олье лишь по обязанности, и все равно оставалась, словно кого-то ждала.

– Для тебя время у меня есть всегда! – Хайме, он же брат Хуан, привычно покосился на устроившегося на подоконнике белого голубя. Тот напыжился, словно при виде голубки, и заурчал. – Видишь, Коломбо подтверждает.

– Вижу. – Инья казалась немного виноватой. – Приехала малышка де Хенилья. Она просит ее принять. Ты ее помнишь?

– Видел на свадьбе и после пару раз.

Кукла в тяжелом платье. Точеное личико, пустые глаза, бархат, кружево и драгоценности, драгоценности, драгоценности... Маркиз де Хенилья не поскупился, он вообще не жалел для молодой жены ничего. И для солдат тоже.

– Ты вроде бы ездила с ней в Муэну? – Инес знает, что брат недолюбливает гостей, вот и волнуется. Зря, вдову Гонсало он как-нибудь переживет, особенно если та будет молчать.

– Бедная Мария совсем одна. – Инес грустно покачала головой, в юности она напоминала лесную нимфу, теперь походила на Пречистую, как ее рисовал великий Васкес. – Мне было легче. Господь даровал мне Карлоса, и у меня остались мама с отцом и ты.

– Вернее, то, что от меня осталось!

Сестра слишком много говорит. Она не знает Коломбо, а импарсиал¹¹ не имеет ни права, ни возможности рассказать про белокрылого красавца правду. Оставалось прерывать опасные откровения на полуслове. Другая бы обижалась, но Инья прощала близким все и улыбалась. Улыбнулась она и сейчас.

– От тебя осталось главное. Стать инкверентом¹² трудней, чем полковником, а ведь ты... Ты все еще младше Карлоса. На два года, но младше.

– А на сколько брат Хуан старше Хайме де Реваля? – в свою очередь улыбнулся Хайме. – Но ты права, служить Господу и ее величеству можно не только шпагой.

Завтра кардинал-инкверент Торрихос услышит, что брат Хуан горд своей службой и ни о чем не сожалеет, вернее, не услышит ничего: Коломбо доносит лишь о прегрешениях, к коим верность тиаре и короне не относятся.

– Мы так за тебя боялись.

Инес не смотрела на окно. Для нее фидусьяр¹³ был не более чем знаком святости и служения Господу. Коломбо же полагал «вдову де Ригаско» глупой, как и положено женщине, хоть и отдавал должное ее добродетели. Когда сестра отказывала очередному жениху, голубь удовлетворенно махал крыльями, но стоило Инье обзавестись следующим воздыхателем, и Коломбо принимался клеймить женское непостоянство и зов плоти. Большого негодования удостаивались лишь упорствующие в своих заблуждениях суадиты и голубки, спаривавшиеся с грязными сизарями прямо на крышах.

– О чем ты думаешь? – Голос Иньи разбил тишину, словно ледок треснул.

– Так, ни о чем.

Он и в самом деле не думает, просто смотрит и дышит. Иногда это наслаждение.

¹¹ Судья-следователь Святой Импарции, судебно-следственного органа Мундиалитской церкви, созданного для борьбы с противниками папской власти и еретиками.

¹² Инкверент исполняет особые поручения кардинала-инкверента (главы действующего в мундиалитском государстве Постоянного Трибунала Святой Импарции) и подотчетен лишь ему, находящемуся в Рэме генералу Импарции и Папе. Кардинал-инкверент обладает правом в случае необходимости создавать на вверенной ему территории чрезвычайные трибуналы и назначать их глав из числа своих инкверентов.

¹³ «Доверенный». Папский голубь. Пожизненный спутник члена Святой Импарции.

– Ты думаешь о делах, – уверенно объявила Инья. – Зря я тебе напомнила о Хенилье. Скоро два года прошло, а все равно не верится.

– Лоасские шпионы охотились за стариком не один год, – напомнил Хайме, – но в мирное время дон Гонсало был осторожен. Не то что на войне.

– И все-таки его убили, – с каким-то удивлением произнесла герцогиня, – никто ничего не смог сделать.

– На все воля Господа, – торопливо ввернул Хайме, припоминая чеканный профиль погибшего полководца. Схватка с рвущимися к монастырю хаммерианами словно бы разбудила Хенилью, превратив начальника провинциального гарнизона в нового Адалида. Блистательный взлет и такая несправедливая смерть! И такая несвоевременная. Инес права, убийца, хоть и озаботился оставить кровавую роспись, оказался короне не по зубам.

«Это сделал дон Диего де Муэна...» Намек? Или ложный след, и никакого дона Диего в природе не существует, а Хенилью прикончил кто-то из недовольных возвышением «этого плебея» грандов?

– Хайме, кто такой дон Диего? – Соображай Коломбо не хуже Иньиты, стало бы весело. – Он в самом деле из Муэны?

– Скорее лоассец. Инес, убийство дона Гонсало расследует Протекта ¹⁴. Святая Импарция может лишь предполагать участие в нем еретиков.

– *Ересь есть корень всех зол*, – раздавшийся в мозгу высокий чистый голос был привычным, как хлеб и боль, – *ересь и похоть. Хенилья был добрым мундиалитом и мечом карающим для мерзостных хаммериан и отринувших спасение суадитов*.

– Тебе плохо? – В глазах сестры страх сплетался с сочувствием. – В этом году такая жаркая весна... У тебя все лекарства с собой?

– Господь не допустит приступа. – Слова были сказаны сестре, но предназначались разболтавшемуся фидусьяру. – Особенно в твоём доме. А сеньор Хенилья мешал многим, но личных врагов у него не было. Только враги веры и Онсии.

– *Суадиты*, – стоял на своем Коломбо, – *и синаиты. Лицемеры, преклонившие колена перед Святым Распятием, но отправляющие тайно свои мерзкие обряды.*

– Есть тайны, известные лишь посвященным! – Инкверент внимательно посмотрел сначала на белую птицу, затем на сестру. Инья не поняла, Коломбо нахохлился. Вспомнил, что вести мысленные беседы в присутствии непричастных профанов ¹⁵ запрещено.

– И все равно тебе лучше прилечь. До ужина. В чем дело, Гьомар?

– Ох, сеньорита... Прибыл посыльный. Сеньора Хайме вызывает Супериора ¹⁶. Срочно.

2

Брат ушел. В окно Инес видела, как конные носилки с зеленым крестом пересекают безлюдную площадь и исчезают в ущелье улицы Велльор. Солнечный зайчик спрыгнул с кирасы алыгвазила, махнула хвостом лошадь, и раскаленная площадь вновь пуста – нищие и те перебрались поближе к площади Сан-Пабло. Приходящие на свершение Акта Веры купцы и вельможи не скупятся на милостыню, но герцогиня де Ригаско редко выходит из дома и еще реже принимает гостей.

¹⁴ Закрытый трибунал (Протекта) – тайная королевская служба Онсии. Подчиняется Государственному Совету и королю.

¹⁵ Лицо, не посвященное в тайны мундиалитской церкви и не причастное к делам Святой Импарции.

¹⁶ Созданный в 1571 году королем Онсии Альфонсом Девятым высший судебный орган при особе монарха, в который с благословения Папы и по просьбе короля вошла и Святая Импарция. Главой Супериоры является король или лицо, им уполномоченное. Решение Супериоры обязательно для всех подданных Онсии, но не для подотчетной Рэме Святой Импарции.

За без малого семнадцать лет к ее затворничеству привыкли. Королева Хуана ставит вдову Льва Альконьи в пример своим дамам, а великий Фарагуандо время от времени удостаивает беседы. Все уверены, что Инес де Ригаско дождется женитьбы сына и удалится к Пречистой оплакивать свою потерю. Откуда чужим знать, что горе давно ушло, осталась лишь грусть. Их с Карлосом любовь оказалась даже не сказкой – песней, а песни так коротки... Лицо, улыбка, голос мужа истаяли, став призрачной сна с белыми цветами, на которые она так и не ступила. Тысячи белых цветов и один, красный, на плече Карлоса. Предзнаменованием смерти.

– Бедный дон Хайме. – Выплывшая из коридора Гьомар укоризненно покачала головой. – Он так и не попробовал вина из Реваля. А камбала! Как раз такая, как он любит...

– Потом попробует, – торопливо сказала Инес. – Сама знаешь, люди с голубями себе не принадлежат, а Супериора не ждет.

– Знаю! – Камеристка недовольно поджала губы. – И кому теперь дон Антонио оставит виноградники? Единственный сын – монах! Господь что сказал? Плодитесь и размножайтесь! А дон Хайме? Подумаешь, воевать не может, так не каждому быку на аренедохнуть, кому-то и теляток делать надо...

– Гьомар! – Герцогиня лишь слегка повысила голос, но служанка умолкла, хоть и не ушла. Ну и пусть стоит. Инес отвернувшись, провела рукой по спинке кресла, в котором недавно сидел брат, затем медленно побрела по комнате, перебирая бирюзовые четки. Карлос купил их у Сами Абдедина перед поездкой в Муэну. Тогда ювелиры-синаиты не скрывали ни собственных имен, ни собственной веры, а иметь с ними дело не считалось греховным. Муэнская резня унесла не только Карлоса, она покончила с прежней Онсией. Да, какое-то время люди жили, как прежде, но и листья опадают не сразу. Кого-то осень хватает раньше, кого-то позже, но не уцелеть никому.

– Гьомар, вынеси цветы. Они завяли!

– Сейчас, сеньорита!

Если бы не Хайме, она бы уехала в Ригаско ждать сына, шить шелками и слушать южный ветер. Брат, тот все еще воюет с хаммерианами, а ей просто хочется все позабыть и жить, сбегав от сумрачной роскоши королевского замка, высочайшего покровительства, навязчивого внимания придворных. В рощах Ригаско она бы вновь стала женщиной по имени Инес...

– Маркиза де Хенилья, графиня де Альконья де Аламонегро! – равнодушно возгласил слуга.

Инья поправила выбившуюся из прически прядку и разгладила складки вуали. Вдова Льва Альконьи встречает вдову Орла Онсии. Завтра об этом узнают во дворце и сочтут трогательным. Послезавтра под окнами зазвучат романсы в честь двух сиротливых голубок.

– Донья Инес! – Мария замерла на пороге. Она стала еще красивей и еще беспомощней, чем во время их последнего свидания.

– Входи. – Чтобы поцеловать маркизу в лоб, пришлось привстать на цыпочки. Герцогиня невольно улыбнулась и, чуть поколебавшись, добавила: – Дитя мое!

Гостья была младше хозяйки на двенадцать лет и выше почти на голову. Судьба одарила дочь незначительного идадьго высокой грудью, белой кожей и прекраснейшими в мире глазами цвета моря. Великий Хенилья был сражен наповал без единого выстрела; о том, что чувствовала шестнадцатилетняя Мария, не думал никто.

Супруги казались счастливыми, но брак оставался бездетным. На четвертый год маркиза отправилась к Пречистой Деве Муэнской в надежде вымолить ребенка, а вернулась вдовой. Дона Гонсало убили прямо в собственном доме. Никто ничего не слышал, собаки и те не залаяли. Мария горевала, очень горевала, в этом Инес не сомневалась, но любая боль проходит. Если ее не поить по ночам своей кровью.

– Моя сеньора, – гостя удивленно оглянулась, – ваш брат... Он не пришел? Это из-за меня?

– Хайме ушел, – торопливо произнесла Инес, – его куда-то вызвали.

3

Секретарь еще не распахнул дверь, а Коломбо уже нежно ворковал. Значит, Хайме желает видеть Торрихос. Так и оказалось. Кардинал-инкверент возвышался за дубовым столом убежденной сединой горой. Напротив его высокопреосвященства тонул в кресле герцог Пленилунья. Глава Протекты собственной персоной. Неплохо для воскресенья! Хайме поклонился и застыл, опустив глаза, как и положено смиренному служителю Господа. Коломбо незамедлительно перепорхнул на окно поближе к голубю кардинала. Тот слегка шевельнул крылом и нахохлился – выказал равнодушие. Коломбо с фидусьярами низших вел себя не лучше.

Торрихос что-то шепнул герцогу, и тот кивнул лысой, утонувшей в складках шеи головой. Внешне клирик и вельможа рознились как лев и черепаха, по сути же оба были драконами, мечтавшими пожрать друг друга. Хайме надеялся, что повезет Торрихосу.

– Мир тебе, брат Хуан, – объявил Торрихос, и Хайме понял: ему снова придется огорчить Пленилунью. Что ж, не в первый раз и, если повезет, не в последний.

– Во имя Господа! – Инкверент почтительно поцеловал благословляющую руку. Теперь главное – уразуметь, что нужно делать и чего делать ни в коем случае нельзя.

– День воскресный создан для благочестивых размышлений и отдыха, но долг призывает нас в любое время. – Кардинал обратил взор на вельможу и отечески качнул сединой. – Герцог де Пленилунья, не желая отвлекать нас от молитв, совершил ошибку, хоть и руководствовался лучшими побуждениями. Тем не менее счастливый случай разрешил недоразумение. Как твои раны, брат Хуан? В силе ли ты приступить к работе во славу Господа?

– Я здоров, – коротко произнес Хайме, понимая, что драконы снова сцепились. Прошлая схватка завершилась победой Протекты и преждевременной кончиной троих благородных дворян и одного монаха. Похоже, Торрихос вознамерился отыгаться, а его высокопреосвященство бьет наверняка.

– Тем не менее тебе не следует уподобляться нашему доброму герцогу, – губы Торрихоса раздвинула теплейшая из улыбок, – а сеньор Пленилунья не жалеет себя... Именно так, сеньор, не спорьте со мной! Вы уподобляетесь тому коню, что, понукаемый долгом и гордыней, тянет все больший груз и бежит все быстрее, рискуя рухнуть под тяжестью невозможного.

– Ваше высокопреосвященство преувеличивает. – Будь улыбки клинками, какой бы сейчас поднялся звон! – Я всего лишь исполняю свой долг.

– Ваш долг – отыскать убийц славного Хенилы, – кротко возразил кардинал-инкверент, – этого ждут ее величество и все добрые мундиалиты. Милосердие – удел Господа и Церкви, вы же – меч карающий, так карайте, а спасение заблудших душ предоставьте Святой Импарции. Взяв на себя разбор донесений, в коих говорится о заподозренных в ереси, вы, без сомнения из лучших побуждений, посягнули на Божие и пренебрегли кесаревым.

Некогда всесильный герцог чуть заметно шевельнулся в огромном кресле. Надо полагать, внутри его все клокотало, но Пленилунья терпел. С тех пор как покойный король с благословения его святейшества учредил Супериору, Протекте пришлось потесниться.

– Брат Хуан, – заволновался Торрихос, – мы надеемся на твою скромность. Узнав о нашем... небольшом разногласии, злые языки не замедлят объяснить добрые поступки нашего славного герцога дурными помыслами.

Ответа не требовалось, и Хайме промолчал. Свидетели бесед Пленилуньи и Торрихоса и так ходили по краю бездны.

– Брат Хуан заслуживает полного доверия, – успокоил кардинала глава Протекты. – Нет никаких сомнений, что он с легкостью разберется с делом, столь живо заинтересовавшим ваше высокопреосвященство.

– Брат Хуан еще ни разу не ошибся в своих выводах, – доверительно сообщил Торрихос. – Господь сохранил жизнь этому достойному юноше и привел его к моим дверям, дабы его таланты послужили святому делу.

– Я счастлив, что брат Хуан обрел себя в борьбе с ересью, – поджал губы Пленилунья. Пятнадцать лет назад шурин герцога де Ригаско просил о приеме в Протекту и получил отказ. Пленилунья предпочитал аристократам незнатных провинциалов, а больным – здоровых. В чем-то он был прав, потому-то Хайме его и ненавидел.

Торрихос молчал, переводя ласковый взгляд с соперника на подчиненного и обратно. Он ждал достойного ответа, и Хайме ответил.

– Нет предела моей благодарности герцогу де Пленилунья. Ведь это он направил мои стопы к Церкви, где я обрел утешение и исцеление. Но что за дело предстоит мне расследовать? Видимо, следует поторопиться?

– Оно, как заметил мне сеньор Пленилунья, довольно заурядно, – неспешно произнес кардинал-инкверент, – к тому же излишняя спешка приносит больше вреда, чем пользы. Не следует подпускать к овцам волка, но пастухам нужны собаки, а у многих псов волчья стать. Вам придется решить, кто перед вами – упорный еретик или же заблуждающийся, чью душу еще можно спасти.

– А также определить, является ли упомянутый суадит отравителем, – подал голос глава Протекты, – и почему он проживает отдельно от соплеменников.

– Я спрошу его.

Выходит, камнем преткновения стал какой-то отравитель, то ли лекарь, то ли виноторговец, то ли повар. Что ж, войны начинались и из-за меньшего. Повод найдется, было бы желание, а оно у Пленилуньи есть.

– Йона бен-Авнер, именуемый чаще Хоньо Бенеро, сорока трех лет от роду. – Торрихос шевельнул бумагами, раздалось змеиное шуршанье. – Суадит из Гомейсы. Семнадцать лет служил маркизу де Мадругана. После смерти последнего купил дом недалеко от Бычьего рынка, где и поселился. Некий Винсенте Камоса, доктор медицины и, по мнению Протекты, добрый мундиалит, утверждает, что Бенеро, не будучи христианином, изготавливает лекарства и пользуется ими больных.

– Камоса с двумя свидетелями, подозревая бен-Авнера в том, что он режет живое тело, потребовали осмотра дома, – добавил от своих щедрот Пленилунья. – Суадит их не пустил, что является косвенным подтверждением его вины. Как известно, закон запрещает суадитам и синаитам прописывать и готовить лекарства, если они не одобрены врачом-мундиалитом. В отсутствие такового посредника изготовление лекарств карается наравне с торговлей ядами.

– Только если доказано, что суадит или же синаит пользуется христиан, – уточнил Хайме, и Торрихос медленно опустил веки, благословляя подчиненного на бой, – если же врач занимается составлением зелий и лекарств, но не продает их христианам и не прикасается к телам христиан, его не в чем обвинить. Обещаю сегодня же заняться этим делом. Если Бенеро не был крещен, он не является еретиком, но обязан открыть дверь проповеднику.

Кардинал-инкверент пошевелился:

– Его святейшество учит, что богоугодны не чрезмерная строгость к виновным, но снисходительность, мягкость и сострадание. Он желает, чтобы раскаявшихся не преследовали и дали им все права, как будто бы они и не грешили. Возьмите письмо Камосы, прочтите его, а затем расспросите лично. Не торопитесь – дом Бенеро взят под охрану. Преступник, если мы имеем дело с преступлением, больше не причинит вреда и не исчезнет, как пресловутый дон Диего.

Глава 2

1

Плотный бровастый человек с вежливым равнодушием смотрел, как на его крыльцо поднимались дознаватели. Он не казался ни возмущенным, ни удивленным, хотя последнее было бы откровенным притворством. Если в доме торчат алыгвазилы, жди гостей повыше и вспоминай свои прегрешения. Или недоброжелателей.

Во дворе, почуяв чужих, лаяли собаки – в отличие от хозяина они своих чувств к незванным гостям не скрывали. Псов было много: Бенеро в точном соответствии с доносом держал чуть ли не псарню, но вот скармливал ли он собакам трупы христианских младенцев? Вряд ли...

– Вы кого-то ждете, благочестивый брат Хуан? – Знакомый уверенный голос положил конец раздумьям. – Не нас ли?

– Никоим образом. – Хайме, не оборачиваясь, шагнул за порог, захлопнув на совесть сработанную дверь перед самым носом капитана Арбусто дель Бехо. Заподозренный в отравительстве врач не повел и бровью, зато угодивший между молотом Протекты и наковальней Импарции сержант алыгвазилов мучительно засопел. Хайме предпочел не услышать. Неторопливо перекрестившись, он внимательно осмотрел обширную прихожую, напоследок заглянув в перевитое коваными железными лозами оконце. Арбусто торчал на крыльце, прожигая взглядом толстенные доски. Капитану не было дела до суадита, но брата Хуана он бы швырнул в костер с наслаждением. И кто бы мог подумать, что при первой встрече они друг другу понравились!

Оба сражались с лоассцами и были ранены, оба рвались спасти Онсию от «белолобых», оба ждали ответа всеильного герцога и дождались. Стали б Арбусто и де Реваль друзьями, возьми Пленилунья обоих, или честолобивый провинциал рано или поздно все равно возненавидел бы участника легендарной схватки и родича де Ригаско?

Брат Хуан с трудом оторвал взгляд от напряженной широкоплечей фигуры. Не пустить Арбусто на порог приятно, но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Или тот, кто смеется редко. Пленилунья не смеялся никогда. Зачем ему понадобился суадит? Драконы не ловят мышей, а из-за Бенеро вот-вот полетят искры и головы. Что ж, если не знаешь, что к чему, будь безупречен.

– Брат Селестин, брат Доминик, займитесь книгами. Как всегда, три списка – допустимые, запрещенные и сомнительные. Сеньор Ривера, ваше присутствие как врача, на предварительном допросе не требуется. Возьмите двоих помощников и в присутствии брата Фомы проверьте, есть ли в доме лекарства в количестве достаточном, чтобы говорить о торговле. Постарайтесь установить, что это за лекарства. Брат Хоакин, обойдите дом от подвала до чердака. Вы знакомы с делом и знаете, что искать. Не забудьте о псарне и колодце. Нотариус...

– Да, сеньор! – Статный молодой красавец походил на офицера, а занимал место чернильной крысы. Болен, труслив или подослан? Что ж, пусть слушает, больше Коломбо никакой шпион не разнюхает.

– Будете со мной.

Остаться в прихожей было незачем. Хайме кивнул сержанту и, не дожидаясь, когда тот, пока еще вежливо, возьмет обвиняемого за плечо, направился в глубь дома. Запах воска, книжных переплетов и трав напоминал о жилище Лиханы, где Хайме де Реваль провалялся несколько месяцев. Вызванные Хенильей родители не сразу узнали сына, да он и сам себя не

узнал, впервые после болезни глянув в зеркало. Потом привык и к седине, и к украсившему лоб шраму, и к тому, что об армии и верховой езде лучше забыть.

– *Неправедное богатство вопиет.* – В отличие от дознавателя Коломбо с превеликим тщанием разглядывал лестницу и гостевую анфиладу. – *Богатство льнет к рукам суадитов, как грязь льнет к грязи. Только очистившись от золотой скверны, можно спастись.*

Что ж, врач Камоса явно рассчитывал на хороший кусок означенной скверны. Забавная логика. Доносчики с помощью служителей Господних и владык земных спасают заблудшие души, но губят свои...

Инкверент улыбнулся и механически поднял руку, коснувшись белых перьев. Фидусьяр может болтать сколько угодно, ответа он не дожидается. Тайну папских голубей Церковь хранит строже тайны исповеди, а беседующий сам с собой похож на безумного.

2

Кабинет был там, где дознаватель и предполагал. Темное дерево, книги, синаитские ковры, ветка шиповника в хрустальном кувшине... Дома в Доньидо еще более похожи, чем их обитатели. Будь на стенах оружие и охотничьи трофеи, а в углу – Распятие, комната пришлась бы впору любому дворянину.

– Нотариус, вам хватит света?

– Да, сеньор.

Ох уж эти королевские нотариусы, сидят между двух стульев и доносят Протекте на Импарцию, Импарции – на Протекту, а королевсы словно бы и нет. Жаль...

– Хоньо Бенеро, садитесь.

Хайме привычно повел плечом, и Коломбо перепорхнул на отделанные бронзой часы, где и устроился, недовольно дернув шеей. Настроение у фидусьяра было сварливым, как и всегда после встречи с собратьями высшего ранга. О чем говорят папские голуби друг с другом, Хайме не знал, но Коломбо становился невыносим, особенно во время допросов.

Уютно скрипнуло кресло – обвиняемый послушно сел. Вблизи он казался еще крупней и еще спокойней. Почти как покойный Хенилья.

– Вы – Хоньо Бенеро, хозяин этого дома и всего, что в нем находится в настоящий момент?

– Да, это я.

– Назовите своих личных врагов.

– У меня их нет.

Можно на этом и успокоиться, а можно объяснить несведущему, что своими словами он превращает донос Камосы из акта мести в акт усердного служения Господу, хотя благочестивый лекарь если кому и служит, то собственному кошельку. Нотариус старательно скрипнул пером, записав вопрос и ответ, после чего в ожидании новой порции воззрился на инкверента. Что ж, доставим Пленилунье удовольствие.

– Хоньо Бенеро, да будет вам известно, что личная вражда является обоснованной и единственной причиной для отвода свидетелей. Святая Импарция дает вам право перечислить тех, кто из соображений мести может возвести на вас ложные обвинения. Если среди названных имен окажется доносчик или же свидетель, его показания потеряют силу. Подумайте. Больше мы к этому вопросу не вернемся.

Красавец-нотариус торопливо перевернул песочные часы и уставился в окно. Любопытно, Арбусто ждет или уже ушел? Протекта не любит проигрывать, а Арбусто не любит выглядеть дураком. Топтаться перед закрытой дверью не по нему.

— *Дьявол пытается совратить всех и каждого с истинного пути, —* ясный и назидательный голос ударил в уши колокольным звоном. — *Каждый по слабости духа или злонамеренно может впасть в грех, но может быть спасен, если о его падении узнают. Врач Камоса обратил взор закона в сторону этого суадита, став, таким образом, гласом Провидения. Твой долг — не сомневаться в словах доброго мундиалита, но вынудить грешника к покаянию и примирению с Церковью....*

Коломбо передаст все, что будет спрошено и отвечено, тому, кто имеет право спросить и спросит. Добавит кое-что и от себя. Служители Святой Импарции могут поддаться искушению и из слабости или корысти покрыть еретика или преступника. Могли бы, если б в день принесения клятвы к ним на плечо не спускался белый голубь. Знак благодати и знак доверия для профанов и страж недремлющий для посвященных, а ведь было время, когда молодой петрианец свято верил, что белокрылый спутник укажет путь в ночи, развеет дьявольские козни, изобличит одержимых и убережет от искушений. От искушений, впрочем, Коломбо уберегал. На свой лад.

— *...добиться превращения сего суадита из слуги дьявола в раба Господа!* — Фидусьяр гордо взмахнул крыльями и оправился. Закончил. Когда-то Хайме поспорил с Коломбо. Это было их пятое дело. Обвиненный в хаммерианской ереси офицер показывал не зажившие толком раны и клялся в невиновности. Хайме поверил обвиняемому, а не доносчику. Тогда еще младший дознаватель объявил, что клеветник действовал по наущению дьявола из желания погубить невиновного, уничтожив его руками братьев по вере и по оружию.

Они с обвиняемым выпили вина и пожали друг другу руки, а ночью отпущенный на поруки сбежал. В Лоасс, где и находится по сей день. Хайме спасла его откровенность. Он рассказал инкверенту Торрихосу все, не догадываясь, что Коломбо это уже сделал. Так брат Хуан узнал, что фидусьяры не только поучают, а возмущение, клятвы и даже слезы не стоят ничего.

— Святой отец, отпущенное Бенеро время истекло.

— Хорошо. Хоньо Бенеро, вы вспомнили тех, кто является вашими личными врагами?

— У меня нет личных врагов, — решительно объявил суадит, — те, кто дал на меня показания, сделали это не из мести, а из выгоды. Они показали бы на любого.

— Кого вы имеете в виду? — сухо уточнил Хайме. Похоже, он влип в одно из тех дел, что длятся годами и неизвестно почему стягивают к себе несопоставимые со своей значимостью силы.

— Последователей того, кто мечтал о сребрениках и получил их. Таковых слишком много, чтобы знать их всех, но первого звали Иуда.

— *Это новая секта?* — встрепенулся Коломбо. — *Новая, подлежащая осуждению секта, поклоняющаяся предателю и корыстолюбцу? Пусть говорит, он будет прощен... Скажи ему об этом!*

— Вас преследуют поклоняющиеся Иуде? — Мозги у Коломбо оставались птичьими, но спросить проще, чем не спросить, а потом объясняться.

— Я не знаю таких. — На лице врача проступило нечто похожее на удивление. Раньше Хайме тоже бы удивился.

— Мы вернемся к этому вопросу позже, — увильнул инкверент, утыкаясь в уже знакомые бумаги. Маркиз де Мадругана дожил до восьмидесяти девяти лет и умер своей смертью. Состояние у старика было немалое, соответственно, и завешание вышло длинней осенней ночи. Бенеро упоминался ближе к концу под суадитским именем. Сведений о том, что врач когда-либо крестился, не имелось, следовательно, обвинения в ереси отпадают, равно как и обязательная присяга. Необращенный не может клясться на Распятии «преследовать, раскрывать, разоблачать, способствовать аресту и доставке в Святую Импарцию всех, о которых я знаю или думаю, что они скрылись и проповедуют ересь».

– Хоньо Бенеро, вы скармливали собакам по субботам человеческое мясо? – Спрашивать так уж спрашивать! – Среди ваших книг есть запрещенные Церковью?

– Я кормлю собак мясными обрезками с рынка во все дни недели, – как ни в чем не бывало ответил Бенеро, – и я не знаю, какие книги запретила мундиалитская Церковь. Я суадит.

– Где вы отправляете свои обряды?

– Я их не отправляю.

– Но вы суадит?

– Да.

Что ж, спешить некуда...

– Почему вы приобрели дом в христианском квартале?

– Мне он понравился.

– Вы встречаетесь с другими суадитами?

– Если им требуется моя помощь.

А вот это умно! Если Ривера отыщет зелья, Бенеро скажет, что они не предназначались для христиан.

– Как давно и где вы исполняли суадитские обряды?

– Это имеет значение? – слегка удивился суадит, живущий в доме, купленном на завещанные христианином реалы.

– Отвечайте.

– В Гомейсе, перед тем как поступить на службу к маркизу де Мадругана.

– Вас изгнала община?

– Я суадит.

– Почему вы покинули Гомейсу?

– Я отправился в путешествие.

– Почему вас взял к себе маркиз де Мадругана?

– Он счел меня хорошим врачом.

– Вы говорили с ним о вашей вере?

– Нет.

– Как вы с ним познакомились?

– На постоялом дворе. Я оказывал помощь конюху. Ему разбила голову лошадь.

Мадругана мог позволить себе и не такое. Уж не в старом ли греховоднике причина интереса к Бенеро? Врач мог знать то, что не знал никто, а мог не только знать. Богатства маркиза наводили на мысль о философском камне, а долголетие – об эликсире если не бессмертия, то здоровья.

– Отчего умер де Мадругана? Почему вы остались в Доньидо? Есть ли у вас родственники? Сколько у вас собак, книг, рукописей, ковров? Кто вас посещает? Кого посещаете вы? Символом чего является эта ветка?

Вопросы, вопросы, вопросы... Десятки вопросов, чтобы сбить с толку, запутать, поймать на противоречиях. Невинные бывают, те, кого нельзя обвинить, – нет. Простая мысль, но Хайме пришел к ней не сразу.

– *Суадиты высмеивают нашу веру*, – чем мог, помог Коломбо, – *они убивают христиан, особенно детей, с целью получения невинной крови для своих обрядов.*

– Вам случалось резать живое тело? Мертвое? Вы составляли снадобья для маркиза де Мадругана? Какие? Присутствовал ли при этом врач-мундиалит? Не предлагал ли вам маркиз де Мадругана или кто-то из его домочадцев принять христианство?

Шорох крыльев, теплая тяжесть на плече. Коломбо. Возмущен, что его советов не слушают, ведь он лучше всех знает, как вести допрос.

– *Суадиты притворно принимают христианство, в душе оставаясь его врагами. — Чистая, звонкая, правильная речь, люди так не говорят, а ангелы? Ангелы могут так говорить и так думать? — Притворнообращенные, они стремятся занять высокие государственные и церковные должности и используют богатство и положение, чтобы разрушить Мундиалитскую церковь и поколебать трон. Онсия становится перед выбором: оставаться ли ей христианским государством или передать власть в стране суадитам. Мы стоим на краю пропасти!..*

– Встречаетесь ли вы с новыми христианами из числа соплеменников? – Пальцы гладят тонкую шейку, очень тонкую, но папские голуби бессмертны. Коломбо пережил троих импарсиалов, переживет и четвертого, и пятого, и десятого. – С кем вы встречаетесь? О чем говорите?

– Нет, я со своими соплеменниками не встречаюсь.

– С синаитами? С хаммерианами? Асмидисками? ¹⁷ Иными еретиками?

– Не знаю.

– Как это понимать?

– Я не веду богословских бесед с торговцами.

– А с пациентами? Есть ли среди них христиане? Сколько из них излечилось? Сколько умерло? Всегда ли ваши предписания проверял врач-мундиалит? Какую плату вы взимаете?

– *Суадиты взимают проценты за даваемые займы, что христианам запрещается, — прожурчал Коломбо, вспархивая с плеча, чтобы оправиться. Бедняга мечтал гадить на подоконник если не Папы, то генерала Импарции или, на худой конец, главы хоть какого-нибудь трибунала, а приходилось довольствоваться инкверентом. Одна радость, предыдущие спутники не достигли и этого...*

– Я не беру денег, — монотонным голосом произнес врач, — я живу на оставленные мне средства. Я уже говорил об этом.

– Вы лечили христиан?

– Я оказывал неотложную помощь тем, кто ко мне приходил. Я не обсуждаю с больными людьми и их родственниками вопросы веры. Я предупреждаю, что я суадит и что мои предписания следует согласовывать с врачом-христианином.

– *Камосауттверждает противное, — напомнил Коломбо, — обвиняемый виновен в попытках отравления, проведении богопротивных ритуалов и...*

– Во имя Господа, — появившийся в дверях брат Доминик был в бурой книжной пыли, — мы закончили. Найдено девять запрещенных книг и сорок четыре сомнительных, в том числе на дурных языках.

Что ж, на первый раз довольно. Выдвинутых обвинений хватит, чтобы увести Бенеро из-под носа Протекты, вывезти книги и опечатать дом.

– Проследите, чтобы найденное было должным образом упаковано. Передайте Ривере, пусть возьмет образцы лекарств и прочих зелий. Хоньо Бенеро, вы уличены по крайней мере в одном из преступлений, в которых были заподозрены. Впредь до завершения следствия вы заключаетесь под стражу в монастыре Святого Федерико. Вам следует знать, что, если вы обратитесь к христианству, вас будет судить церковный трибунал. Святая Церковь милостива к новообращенным, а ремесло лекаря угодно Господу. Благотворительная работа в городской больнице на определенный трибуналом срок будет способствовать спасению вашей души и тела. В противном случае вы будете переданы в руки Протекты по обвинению в попытках отравления, тайной торговле ядами и утаивании доходов. Вы меня поняли?

¹⁷ Еретическая секта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.